

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение

высшего образования

«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»

(наименование кафедры)

40.04.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки)

Уголовное право и процесс

(направленность (профиль))

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

на тему «Проблемы квалификации кражи»

Студент

Д.В. Камалова

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Научный

руководитель

д-р юрид. наук, профессор, В.К. Дуюнов

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2021

Росдистант

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДИСТАНЦИОННО

Оглавление

Введение	3
Глава 1 Кража и ответственность за ее совершение в истории законодательства россии и некоторых зарубежных стран	8
1.1 Проблема кражи и ответственности за ее совершение в законодательстве некоторых зарубежных стран.....	8
1.2 Понятие кражи и ответственность за ее совершение в истории российского законодательства	16
1.3 Общая криминологическая характеристика современной кражи	23
Глава 2 Кража как форма хищения в уголовном законодательстве Российской Федерации	33
2.1 Объективные признаки состава кражи.....	33
2.2 Субъективные признаки состава кражи	47
Глава 3 Юридический анализ квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков состава кражи	52
3.1 Квалифицирующие признаки состава кражи.....	52
3.2 Особо квалифицирующие признаки состава кражи	58
Глава 4 Проблемы отграничения состава кражи от смежных составов преступлений.....	66
4.1 Отграничение состава кражи от составов грабежа и разбоя.....	66
4.2 Отграничение состава кражи от составов мошенничества и присвоения или растраты чужого имущества.....	69
4.3 Отграничение составов кражи от иных смежных составов преступлений	71
Заключение	75
Список используемой литературы и используемых источников	80

Введение

Часть 3 ст. 35 Конституции Российской Федерации закрепляет правило о том, что никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. Реализуется названное конституционное положение, в том числе и посредством установления уголовной ответственности за наиболее общественно опасные деяния, связанные с незаконным лишением права собственности. Наиболее распространенным преступлением из числа посягающих на собственность является кража. Более того, согласно статистическим данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, кражи занимают доминирующее положение и в общей структуре преступности (из числа всех совершенных в 2016 году преступлений кражи составили 40,3%, в 2017 году – 38,3%, в 2018 году – 38%). Установление соотношения между числом осужденных и общим числом зарегистрированных краж свидетельствует о том, что снижение указанных показателей находится в прямой зависимости друг с другом – лишь 22% совершенных краж завершаются привлечением виновных лиц к уголовной ответственности, что свидетельствует о низком и не качественном уровне раскрываемости данного вида преступлений.

Итак, актуальность настоящего исследования обусловлена значительной распространенностью краж, как среди преступлений, посягающих на собственность, так и в общей структуре преступности, а также низкими показателями раскрываемости данного вида преступлений.

Объектом настоящего исследования являются общественные отношения, связанные с уголовно-правовой охраной собственности.

Предмет исследования – совокупность правовых норм, на основании которых осуществляется квалификация кражи.

Цель настоящего исследования состоит в обобщении практических проблем, связанных с квалификацией кражи, установлением проблемных аспектов этого процесса, формулировании предложений по их разрешению.

Для достижения указанной цели представляется необходимым решить **следующие задачи:**

- проанализировать проблему кражи и ответственности за ее совершение в законодательстве некоторых зарубежных стран;
- определить понятие кражи и ответственность за ее совершение в истории российского законодательства;
- дать общую криминологическую характеристику современной кражи;
- охарактеризовать объективные и субъективные признаки состава кражи;
- охарактеризовать квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки состава кражи;
- определить критерии отграничения состава кражи от составов грабежа и разбоя, от составов мошенничества и присвоения или растраты чужого имущества и от иных смежных составов преступлений.

В процессе исследования применяются общенаучные **методы** анализа, синтеза, аналогии, абстрагирования и конкретизации, а также следующие специально-юридические методы:

- исторически-правовой, который используется при исследовании вопроса ответственности за совершение кражи в истории российского законодательства;
- сравнительно-правовой метод, который используется для сравнения уголовно-правовых норм об ответственности за кражу в России и зарубежных правовых порядках (Англии, США, Швеции, Франции, Испании);
- догматический метод и метод моделирования, которые позволили провести анализ правовых норм, выявить недостатки правового регулирования, представить ситуации, при которых могут возникать правоприменительные проблемы, связанные с квалификацией

кражи, отграничением кражи от смежных преступлений и сформулировать предложения по совершенствованию правовых норм;

- а также формально-логический, диалектический метода, метод анализ.

Нормативно-правовую основу исследования составили Конституция Российской Федерации, устанавливающая конституционные основы охраны собственности, неприкосновенности жилища, общие основания ограничения прав и свобод и т.д., Уголовный кодекс Российской Федерации как единый кодифицированный акт, устанавливающий уголовную ответственность, а также нормативные правовые акты, раскрывающие сущность отдельных понятий (например, «жилище», «жилое помещение») – Жилищный кодекс Российской Федерации, Гражданский кодекс Российской Федерации и другие.

Теоретическую основу исследования составили работы следующих авторов: М.М. Нафиков, Б.А. Мкртычян, О.А. Марфутенко, А.В. Кашунин, О.В. Кудряшов, В.К. Дуюнов, А.Г. Хлебушкин, Карягина А.В., Молчанова К.В., Карпова Н.А., Ермакова О.В. и других.

Научная новизна исследования состоит в формулировании предложений, направленных на разрешение основных проблем, связанных с квалификацией краж.

Положения, выносимые на защиту:

- предложено в ч. 1 ст. 158 УК РФ закрепить следующее понятие «Кража, то есть противоправное безвозмездное ненасильственное изъятие и (или) обращение чужого имущества или электроэнергии во владение виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества»;
- обоснована необходимость на уровне высшей судебной инстанции разъяснить особенности предмета кражи. В частности предложено определить, что предметом преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 158 УК РФ может выступать движимое

имущество, а также недвижимое имущество, передвижение которого в пространстве возможно осуществлять без особых потерь его потребительской стоимости и целевого назначения;

- установлено, что ряд положений уголовного закона нуждаются в совершенствовании и разъяснении – вызывает сомнения обоснованность размера минимальной границы стоимости похищенного имущества для квалификации кражи по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ; необоснованным считаем отсутствие возможности привлечения к ответственности на основании данной нормы лица, причинившего значительный вред индивидуальному предпринимателю трудности; существует необходимость в разъяснении содержания категории «фактическая стоимость имущества»; вызывает сомнение соответствие содержания п. 23.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 целям установления квалифицированной уголовной ответственности за кражу, совершенную из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем;
- обобщено, что установление некоторых особо квалифицирующих признаков состава кражи сопряжено с некоторыми трудностями и законодательными несовершенствами. В частности, подвергается критике несогласованность законодателя при использовании терминов «жилое помещение», «жилой дом», «часть жилого дома» в уголовном, гражданском и жилищном законодательстве. Исследователями ставится под сомнение обоснованность содержания п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 №29 о дополнительной квалификации действий лица, совершившего кражу, связанных с уничтожением или повреждением имущества потерпевшего, не являвшееся предметом хищения, - правоприменителю следует оценить его на предмет соответствия принципу Non bis in idem («Не дважды за одно и то же»). Высшей

судебной инстанции необходимо четко разграничить кражу, совершенную с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств и мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ). Обоснованным представляется реализация предложения о криминализации хищения банковских карт, что позволит решить проблему доказывания направленности умысла на совершение хищения денежных средств с использованием банковской карты.

Структура работы обусловлена целью и задачами настоящего исследования и включает введение, четыре главы, объединяющих десять параграфов, заключение, список используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Кража и ответственность за ее совершение в истории законодательства России и некоторых зарубежных стран

1.1 Проблема кражи и ответственности за ее совершение в законодательстве некоторых зарубежных стран

При изучении зарубежного опыта установления уголовно-правовой ответственности за то или иное преступление, очевидно, что основное внимание следует уделять странам, которые имеют низкий уровень преступности. Однако в отношении кражи применение этого принципа затруднительно, поскольку даже в государствах с относительно низким уровнем преступности проблема распространенности краж актуальна – именно они занимают доминирующее положение в общей массе совершаемых преступлений [32, с. 126-127].

В связи с этим в рамках настоящего исследования с целью проведения сравнительно анализа рассмотрим уголовно-правовое регулирование ответственности за кражу государств, которые являются наиболее типичными представителями двух основных правовых систем – семьи общего права (США и Великобритания) и романо-германской правовой семьи (Германия, Франция, Испания).

Уголовное законодательство Великобритании, как известно, не является кодифицированным. В качестве источников норм об ответственности за конкретные преступления здесь используют отдельные законы. В группе преступлений против собственности «ключевым является понятие «кража» (larceny). В Законе о краже 1968 г. говорится: «лицо виновно в краже, если оно бесчестно присваивает имущество, принадлежащее другому, с намерением навсегда лишить его этого имущества» (п. 1). Таким образом, Закон выделяет пять основных признаков, определяющих кражу: бесчестный способ; присвоение; имущество; принадлежность имущества другому лицу и наличие намерения навсегда лишить другое лицо имущества» [44, с. 358].

На основе этого понятия сконструированы другие составы, в том числе и «burglary» под которым понимается преступление, связанное с проникновением в здания, жилого помещения, нарушая его неприкосновенность, с целью совершения там какого-либо преступления.

В Англии и Уэльсе ответственность за «burglary» предусматривается в Законе о краже 1968 года в разделе 9 подразделе 1 [121]. Так, в пункте «а» устанавливается, что любое лицо, которое входит в любое здание, часть здания, транспортное средство или судно с намерением похитить, причинить тяжкий вред здоровью, причинить повреждение или совершить изнасилование признается виновным в совершении «burglary». В пункте «б» подраздела 1 предусматривается другой тип «burglary», при котором любое лицо, входящее в любое здание, часть здания, транспортное средство или судно, совершает законченную кражу или наносит телесные повреждения. Фактическое окончание является необходимым компонентом такого типа «burglary».

Существует также «burglary», совершенное при отягчающих обстоятельствах в соответствии с разделом 10 Закона. Отягчающие обстоятельства: наличие оружия или взрывчатого вещества, имитация огнестрельного оружия или взрывчатого вещества. При этом отсутствует требование относительно использования в совершении преступления огнестрельного оружия или взрывчатого вещества [98, с. 502].

В уголовном праве США используется родовое понятие хищения (theft), которое включает в себя следующие основные формы: кражу (larceny), присвоение (embezzlement), хищение имущества обманным путем (false pretenses). Кража характеризуется такими признаками изымаемое и перемещаемое имущество должно быть чужим, движимым; изъятие и перемещение имущества должно носить противоправный характер; лицо должно иметь намерение лишить законного владельца имущества. Таким образом, при совершении кражи не обязательно наличие корыстной цели. Кроме того, кража представляет собой не только тайное, но и открытое хищение чужого имущества.

В США используется понятие «супружеской кражи» (кражи у супруга/супруги), которая в большинстве штатов не считается преступлением, так как согласно выработанному им правилу муж и жена – одно лицо [47]. Российская судебная практика придерживается иного принципа – так, например, в июне 2020 года в г. Верхней Пышмы был задержан мужчина, подозреваемый в краже ордена Красной Звезды и ювелирных украшений на 20 тысяч рублей у своей жены. Его действия были предварительно квалифицированы как кража [87].

В большинстве уголовных кодексов США также содержится состав «burglary» [119, 120], который считается тяжким преступлением и определяется как незаконное проникновение в помещение с намерением (целью) совершить там любое преступление (не обязательно уголовное преступление или кражу). Таким образом, осуждение за «burglary» может иметь место, даже если предмет имеет незначительную стоимость или вообще не украден.

Стоит отметить, что не во всех уголовных законах США применяется термин «burglary». Таким примером является штат Массачусетс, где он формально не используется [117]. Вместо этого, взлом и кража рассматриваются как отдельные преступления. Причем первое официально обозначается как «взлом и проникновение в помещение в ночное время или днем (в зависимости от фактических обстоятельств) с целью совершения тяжкого преступления (или проступка в зависимости от фактических обстоятельств)» и, собственно, «кража» (в крупных размерах или мелкая), если имущество было действительно украденным.

В ст. 234 Уголовного кодекса Испании [118] кража определяется как «завладение с целью извлечения прибыли предметами, вещами, мебелью без согласия их владельца, если сумма похищенного превышает 400 евро», то есть раскрывается через такие обязательные признаки как цель, предмет, отсутствие согласия владельца на завладение имуществом другим лицом, сумма похищенного (более 400 евро) [45, с. 217]. На основании последнего

признака в Испании кража как преступление отграничивается от проступка. Аналогичный подход предусмотрен и российским законодательством, однако, в диспозиции ч. 1 ст. 158 УК РФ такой признак не отражен. Обращает на себя внимание факт отсутствия в нормативном определении кражи указания на тайный способ ее совершения.

Статья 235 УК Испании закрепляет, по сути, квалифицированные составы кражи, которые имеют место, если:

- похищены предметы художественной, исторической, культурной или научной ценности;
- похищены предметы первой необходимости и возникает ситуация дефицита;
- похищено имущество, предназначенное для предоставления услуг, представляющих общий интерес, или ему причинен значительный ущерб;
- похищена сельскохозяйственная или животноводческая продукция, или орудия или средства, используемые для ее получения, при условии, что преступление совершено на фермах или скотоводах и причиняет им значительный ущерб;
- преступление характеризуется особой тяжестью, значительной величиной вычитаемых последствий, им причинен особый вред;
- жертва или ее семья находятся в тяжелом финансовом положении, или преступление было совершено путем злоупотребления их личными обстоятельствами или беспомощным положением, или использования в результате несчастного случая или наличия общей опасности или опасности для общества, которые ослабили защиту потерпевшего или способствовали безнаказанному совершению преступления;
- при совершении преступления виновный был бы приговорен к наказанию, по крайней мере, за три преступления этой Главы, при условии, что они имеют одинаковый характер;

- для совершения преступления были использованы лица моложе шестнадцати лет;
- виновный участвует в деяниях в качестве членов преступной организации или группы, которая занимается совершением преступлений, предусмотренных этой Главой, при условии, что они имеют одинаковый характер.

Перечень составов, закрепленных в УК Испании в значительной степени отличается от предусмотренного в российском уголовном законе. Позитивным опытом Испании в формулировании нормативного определения кражи следует считать указание на сумму похищенного имущества – это позволяет отграничить кражу как преступления от административного проступка. Полагаем, что такой подход должен быть воспроизведен и российским законодателем в диспозиции ч. 1 ст. 158 УК РФ.

Весьма широкая регламентация ответственности за преступления против собственности предусмотрена Уголовным кодексом Швеции [105] (далее – УК Швеции). УК Швеции, вступивший в силу с 1 января 1965 г. содержит несколько глав, предусматривающих уголовную ответственность за совершение преступлений против собственности. Глава 8 называется «О краже, разбое и других преступлениях, связанных с похищением имущества». В этой главе содержатся следующие юридические конструкции: кражи (в том числе незначительные), грабежи, незаконное лишение владения, самовольное восстановление во владении, незаконное пользование электроэнергией. Ответственность за кражу, в соответствии со шведским уголовным законом несет лицо, которое с намерением присвоить незаконно берет то, что принадлежит другому лицу и таким присвоением причиняет убытки. При этом УК Швеции оперирует понятием «малозначительная кража». Понятие кражи положено в основу категории грабеж. В качестве отдельного вида кража УК Швеции рассматривает кражу транспортного средства (ст. 7 главы 8).

Согласно ст. 13 УК Швеции содержит норму об особом порядке инициирования уголовного преследования уголовное преследование за кражу

совершенную в отношении лица, проживающего с обвиняемым не на временной основе, супруга или супруги, кровного родственника по восходящей или нисходящей линии, или родственника по браку, родного брата или сестры, зятя или невестки, или любого другого подобного близкого или родственника обвиняемого начинается, только если потерпевшая сторона сообщила о преступлении в целях уголовного преследования, потребовала, или если уголовное преследование необходимо в интересах общества. Таким образом, в УК Швеции также имеет место конструкция «супружеской кражи», которая, в данном случае рассматривается шире (как кража у родственников), однако не полностью декриминализируется, как в США – в отношении такого преступления предусмотрен особый порядок инициирования. Необходимо отметить, что в Российской Федерации в последние годы отмечается рост числа осужденных за кражи у родственников [89], однако процессуальные и материальные аспекты уголовной ответственности за такие преступления ничем не отличаются от тех, которые применяются в отношении к обычной краже. Целесообразность закрепления каких-либо особенностей аналогичных шведским, на наш взгляд, сомнительна, поскольку кражи у близких родственников и так становятся предметом уголовного разбирательства только в случае, когда сами родственники обращаются в правоохранительные органы. Иначе установить факт совершения такого преступления практически невозможно.

В Уголовном кодексе Франции [104] преступлениям против собственности традиционно подразделяются на две большие группы:

- «обманные присвоения, к которым относятся кража, вымогательство, мошенничество и сходные с ним преступные деяния, и собственно присвоения;
- прочие имущественные посягательства, состоящие из укрывательства и преступных деяний, тождественных укрывательству или сходных с ним; уничтожения, повреждения и порчи (не представляющих опасности для людей и опасных для

людей); отмывания (простого и отягощенного), а также посягательств на системы автоматизированной обработки данных» [97, с. 51-52].

Под кражей французский законодатель понимает «обманное изъятие вещи другого лица, а также обманное изъятие энергии, причинившее вред другому лицу, совершенное без отягчающих обстоятельств». Таким образом, предметом кражи во Франции может быть не только вещь, но и энергия. Этот опыт может быть полезен и для российского уголовного законодательства – в России в 2017 году также выдвигалась законодательная инициатива установить уголовную ответственность за кражу электроэнергии, однако она столкнулась с некоторыми проблемами. В частности, признание электроэнергии предметом кражи будет вступать в противоречие с содержанием физического признака предмета преступления, предусмотренного ст. 158 УК РФ. Именно для устранения этого противоречия можно использовать французский опыт при определении кражи, а именно ее предмета, энергия перечислить в одном ряду с имуществом.

Предметом кражи во Франции не признается вещь, которая принадлежит родственнику обвиняемого по восходящей или нисходящей линии, а также одному из супругов, за исключением случаев, когда муж и жена развелись, или должны жить отдельно. Таким образом, во Франции институт супружеской кражи получает более широкую трактовку и также, как и в США декриминализируется. Такое положение подвергается критике среди исследователей.

Еще одной особенностью французского уголовного закона, в сравнении с российским, является отсутствие указания в диспозиции нормы на тайность хищения при совершении кражи. УК Франции не выделяет таких преступлений, как разбой или грабеж; понятием кражи охватываются любое хищение имущества. Указание в законе на обманный способ изъятия имущества охватывает как тайный, так и открытый способ похищения. Так, отдельными уголовно-правовыми нормами регламентирована

ответственность за кражу с применением или угрозой применения оружия (ст. 311-8 УК) и кражу с применением или угрозой применения оружия, совершенном организованной бандой (ст. 311-9 УК).

Таким образом, в результате проведенного анализа зарубежного уголовного законодательства было установлено наличие следующих особенностей, не характерных для российского уголовного права:

- при формулировании нормативного определения кражи в УК Испании содержится указание на сумму похищенного имущества – это позволяет отграничить кражу как преступления от административного проступка. Полагаем, что такой подход должен быть воспроизведен и российским законодателем в диспозиции ч. 1 ст. 158 УК РФ;
- во Франции предметом кражи может выступать не только вещь, но и энергия. Этот опыт может быть полезен и для российского уголовного законодательства. Считаем необходимым признать энергию предметом кражи и в Российской Федерации, а с целью избежать противоречия с содержанием физического признака предмета кражи, при формулировании нормативного определения этого понятия, по примеру УК Франции энергию перечислить в одном ряду с имуществом;
- в законодательстве ряда зарубежных государств особенное правовое регулирование предусмотрено в отношении краж, предметом которых является имущество супруга или близкого родственника – в США Франции такие деяния декриминализированы, в Швеции предусмотрен особый порядок инициирования соответствующих уголовных производств. Закрепление подобных норм в законодательстве Российской Федерации представляется необоснованным.

1.2 Понятие кражи и ответственность за ее совершение в истории российского законодательства

Преступления против собственности имеют давнюю историю, поскольку они появились с возникновением общественных отношений. Первые упоминания об ответственности за кражу содержатся в договоре между Русью и Византией 911 года. При этом вор по русскому закону должен был возвратить украденную вещь и дополнительно уплатить ее стоимость, а также понести ответственность еще и по греческим законам [20, с. 83].

Нормы Русской Правды определяли дифференцированный подход к наказуемости корыстных и некорыстных посягательств против собственности. К первой группе преступлений («обид») названный документ относил разбой (который еще не отличали от грабежа) и кражу, ко второй – уничтожение или повреждение любого имущества (оружия, скота и тому подобное). «Случаи корыстного завладения имуществом охватывались в основном термином «татьба», и хотя этимология его указывала на совершение хищения крадучись, тайно, ненасильственно, под ним подразумевали всякое тайное и открытое, ненасильственное похищение» [23, с. 5].

Об опасности и распространенности краж для владельцев свидетельствует тот факт, что из 22 статей Правды Ярославичей 12 предусматривали ответственность именно за кражу (в Широкой Правде – 28 статей).

Объектом кражи выступали как личность, так и имущество. Так, Правда Ярослава (Краткая редакция Русской Правды) рассматривала кражу военного коня и оружия, одежды дружинника (статьи 13, 15, 16, 18); Правда Ярославичей (Краткая редакция Русской Правды) предусматривала кражу имущества феодальной усадьбы (домашний скарб), рабочего коня и другого домашнего скота; дров и сена (статьи 21, 28-29, 31, 32, 34-40); Широкая Русская Правда (статьи 33-46, 63, 69-73, 75 - 77, 79-84, 121) – также кражу холопов.

Субъектом рассматриваемого преступления выступало исключительно лицо, обладающее свободной волей и сознанием (то есть за совершение кражи не несли ответственности в частности холопы). Указание на возраст субъекта кражи в Русской Правде отсутствовало.

В рассматриваемый период совершение кражи каралось наиболее суровыми наказаниями – согласно Русской правде кража влекла ответственность в виде потока или разграбления. При этом общественная опасность кражи оценивалась выше, чем, например разбоя (открытого хищения чужого имущества), поскольку последнее преступление «считалось проявлением дозволенной отваги и мужества, то его тайное похищение, наоборот, свидетельствовало о коварстве и низости лица, его совершившего» [107, с. 67].

Институт уголовной ответственности за кражу получил свое в Судебнике 1497 года. В названном документе впервые ответственность за рассматриваемое преступление дифференцировалась по признаку повторности – совершенная впервые кража (кроме церковной и головной) наказывалась «торговой казнью» (битьем кнутом), а повторная – смертной казнью. В обоих случаях виновному также надлежало возместить убытки, причиненные потерпевшему. В период действия Судебника 1497 года появляется также и понятие кражи с поличным (с украденными вещами на месте преступления или когда украденную вещь находили у него в доме) [20, с. 85].

Судебник 1550 года вводит понятие «ведомо лихого человека», что привело к появлению особой формы судебного процесса «облихования». Сущность такого процесса состояла в том, что на основе опроса «лучших» людей лицо признавалось «ведомо лихим человеком», совершив разбой, грабеж, убийство, заговор, мятеж, а также особые виды кражи (доказательств совершения указанных преступлений не требовалось). В отношении «ведомо лихого человека» допускалось применение пыток, к таким лицам применялись более суровые наказания.

В Соборном Уложении 1649 года [92] значительное внимание было уделено именно институту кражи (это понятие впервые упоминается именно в тексте Соборного Уложения 1649 года), как одного наиболее распространенных преступлений против собственности. В названном документе выделялась отдельная глава, которой регулировались вопросы ответственности за кражу (глава XXI «О разбойных и татинных делах»), приводился перечень квалифицированных видов краж – кража, совершенная в третий раз, кража, соединенная с убийством, кража, совершенная на территории церкви. В зависимости от вида кражи избиралось и наказание – торговая казнь, тюремное заключение, членовредительство, отсечение уха, смертная казнь. При этом наказания могли применяться и в совокупности (кроме смертной казни), не зависели от возраста преступника и ценности украденной вещи [107, с. 68]. В Соборном Уложении 1649 года выделялись и привилегированные составы кражи – кража с поля хлеба и сена (за совершение такого преступления назначалось наказание кнутом), кража ульев с пчелами, кража яблок, плодовых деревьев из сада, сетки для ловли птиц (ответственность ограничивалась возмещением убытков), кража овощей с огорода.

В Артикуле Воинском Петра I 1715 г. [65] впервые ответственность за кражу дифференцируется в зависимости от цены похищенной вещи – различались кражи на сумму до 20 рублей и кражи свыше этой суммы. Также в указанном документе действовал принцип усиление ответственности за кражу по мере повторения этого преступления. Артикулом вводился целый ряд новых квалифицированных видов кражи – кража привезённого для войска провианта, похищение человека с целью его продажи, кража у своего господина или товарища, во время наводнения или пожара и т.д. Совершение такого рода преступлений наказывалось смертной казнью в форме отсечения головы или повешения. Кроме этого, Воинским Артикулом закреплялись и смягчающие вину обстоятельства, которые уменьшали или вовсе исключали ответственность за кражу – крайняя голодная нужда виновного,

незначительная цена краденой вещи, «младенческий» возраст, состояние «лишение ума» у виновного (ст. 362) [50, с. 72].

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [106] похищение имущества предусматривалось только в деяниях, понимаемых как кража, грабеж, разбой и мошенничество. При этом кража определялась как «всякое, каким бы то ни было образом, но втайне, без насилия, угроз и вообще без принадлежащего к свойству разбоя или грабежа обстоятельств, похищение чужих вещей, денег или иного движимого имущества». Таким образом, отличительными признаками кражи были тайность деяния и его ненасильственный характер.

Уложение разделяло несколько видов краж, которые классифицировались по различным основаниям:

- «объекту (простая кража, кража лошади, кража документов и др.);
- субъекту (домашняя, семейная, кража слугами, проживающими у потерпевшего и др.);
- в зависимости от обстановки и способов действия (со взломом, с влезанием в окно и перелезанием через ограду, кража, совершенная из транспорта, кража, совершенная ночью, кража, совершенная во время общественных бедствий, вооруженная кража и др.)» [50, с. 72].

Уложением были предусмотрены и привилегированные составы кражи.

Существенным образом изменилась система наказаний за кражу – из числа таковых была исключена смертная казнь, в свою очередь вор теперь наказывался отдачей в исправительные арестантские роты, лишением всех прав, преимуществ и состояний, ссылкой на поселение в Сибирь.

В соответствии с Уголовным Уложением 1903 года [100] система имущественных преступлений фактически была построена исходя из объекта посягательства, к которому было отнесено «имущество вообще». Кража и ненасильственный грабеж в Уголовном Уложении 1903 года были объединены в один состав – «воровство», который рассматривался как тайное или открытое похищение чужого имущества. Уложение различало

«обыкновенное» воровство, а также «отягощенное» (такое имело место, когда стоимость похищенного имущества превышала 500 рублей) и «легкое» воровство (таким признавалось хищение имущества на сумму не более 50 копеек, совершенное «по крайности», а также случаи при которых похищенное имущество было добровольно возвращено собственнику до вынесения судебного приговора).

Советский период развития норм об уголовной ответственности за имущественные преступления характеризовался разрушением системы имущественных преступлений. Доминирующей идеей советского уголовного законодательства был приоритет государственных интересов, то оказало влияние в том числе на определение круга наказуемых деяний, и на определение признаков отдельных составов преступлений и наказания за них.

Согласно УК РСФСР 1922 года [103] кража представляет собой «тайное похищение имущества, находящегося во владении, пользовании или распоряжении другого лица или учреждения». В правовой литературе отмечается, что термин «похищение» имеет несколько размытый характер в сравнении с употребляемой в настоящее время категорией «хищение» [107, с. 68]. В то же время другие исследователи считают более удачным применительно к краже именно термин «похищение» поскольку он обозначает именно тайное изъятие и даже высказывают предложение использовать его в действующей редакции уголовного закона [40, с. 85].

В качестве наказаний санкция ст. 144 УК РСФСР 1922 года предусматривала лишение свободы, исправительные работы или штраф. В Уголовном кодексе РСФСР 1926 года [54] размеры названных видов наказаний были снижены.

В дальнейшем Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» [62] законодателем корректируется и само определение кражи: «тайное или открытое похищение имущества граждан». Таким образом, в советском

уголовном праве упраздняется понятие грабежа и происходит возврат к трактовке кражи, которая содержалась в Уголовном Уложении 1903 года.

Кроме того, одновременно был принят Указ «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» [61], которым все способы хищения подразделялись на кражу, присвоение, растрату и иное хищение государственного имущества.

Законом РСФСР «О хищениях» от 7 августа 1932 года все лица, совершившие хищение (этим понятием охватывались следующие составы – кража, грабеж, разбой, присвоение, мошенничество и т. п), провозглашались «врагами народа».

Наиболее существенной особенностью УК 1960 годов было то, что он долгое время различал посягательства на социалистическое (государственное, коллективное) и индивидуальное имущество граждан. Цель такого подхода состояла в том, чтобы обеспечить идеальную охрану социалистической собственности, преступления против которой наказывались строже. Квалифицирующими признаками хищений было совершение такого преступления повторно, по предварительному сговору группой лиц, особо опасным рецидивистом, в крупных размерах, с применением технических средств.

Итак, УК 1960 г. право собственности «охранял» двумя разными главами. При этом наказания за преступления против государственной и коллективной собственности были намного строже, чем аналогичные деяния против индивидуальной собственности. В кодексе 1960 г. было более детально прописаны способы посягательств на государственную и коллективную собственность, чем на индивидуальную. Законом Российской Федерации от 01.07.1994 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» в законодательстве был закреплен отказ от дифференциации уголовной ответственности за кражу в зависимости от форм собственности. Именно такой подход нашел отражение в действующем Уголовном кодексе Российской Федерации [102] (далее – УК

РФ), где ответственность за кражу установлена в ст. 158. В содержание указанной статьи в период со вступления уголовного закона в силу и до настоящего времени неоднократно вносились изменения, которые, например, вводили альтернативные виды наказаний (в частности, в виде принудительных работ) за совершение простой и квалифицированных видов краж [57], расширяли перечень квалифицирующих признаков кражи [56], корректировали понятие значительного ущерба и крупного размера с позиции стоимостной характеристики имущества [55]. Такие изменения являются обоснованной реакцией государства на изменяющиеся общественные отношения. Так, например, развитие информационных технологий, расширение спектра электронных услуг в банковской сфере и последовавшее за этим повышение рисков криминогенного характера обусловили необходимость закрепления в УК РФ нового состава кражи – кража, совершенная с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ). Основанием для внесения изменений в примечания относительно понятия значительного ущерба и крупного размера стали процессы обесценивания национальной валюты.

Таким образом, в результате проведенного анализа обобщены исторические этапы развития законодательства, устанавливающего уголовную ответственность за кражу:

- период до XVI века, когда институт уголовной ответственности за кражу находится на этапе своего становления. Кража дифференцируется в зависимости от вида предмета и ценности похищаемого имущества. К концу периода формируется представление о простой и квалифицированной краже. Основным видом наказания – штраф;
- XVII век – 1917 год – в основу наказания за кражу положены принципы устрашения и возмездия; появляются понятия «вор», «воровство»; ответственность дифференцируется также в зависимости от повторения преступлений. В данный период

формируется понятие о пособниках и соучастниках кражи. К концу периода формулируется понятие кражи, кража классифицируется на несколько видов по различным основаниям. За совершение кражи назначаются наиболее суровые наказания – вплоть до смертной казни. В целом уже на данном этапе можно говорить об окончательном формировании института кражи;

- советский период, когда законодатель установил приоритет уголовно-правовой охраны государственной и общественной собственности, что привело к ужесточению мер наказания за данные преступления;
- современный этап, постсоветский период (с момента принятия действующего УК РФ – до настоящего времени) на котором изменения в уголовный закон о краже обуславливаются изменяющимися общественными отношениями.

1.3 Общая криминологическая характеристика современной кражи

Правовое регулирование уголовной ответственности за кражу предполагает анализ криминологических показателей, характеризующих ситуацию с кражами.

Криминологическая характеристика преступлений включает в себя анализ нескольких показателей. Прежде всего, проанализируем долю краж в общем числе зарегистрированных преступлений, на основании данных ежемесячных сборников о состоянии преступности в России, размещенных на Портале правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Соответствующие данные представлены в таблице 1.

Из приведенной таблицы следует несколько выводов. Во-первых, очевидно, что кражи в настоящее время являются наиболее распространенными преступлениями в России. Во-вторых, удельный вес краж

в общем объеме преступности на протяжении последних лет остается стабильной.

Таблица 1 – Доля краж в общем числе зарегистрированных преступлений за 2016-2020 гг.

Год	Общее число зарегистрированных преступлений	Число зарегистрированных краж	Доля краж в общем числе зарегистрированных преступлений
2020	2 014 221	751 243	37%
2019	2 024 337	774 159	38%
2018	1 991 532	756 395	38%
2017	2 058 476	788 531	38%
2016	2 160 063	871 084	40%

Одной из основных проблем является проблема раскрываемости краж – в последние годы наблюдается тенденция к снижению уровня раскрываемости краж, притом, что этот показатель и так находится на низком уровне – 36-39%. Показатель раскрываемости краж за период 2016-2020 гг. отражен в таблице 2.

Таблица 2 – Показатель раскрываемости краж за 2016-2020 гг.

Год	Число зарегистрированных краж	Число нераскрытых краж	Раскрываемость краж
2019	774 159	493 678	36,2%
2018	756 395	465 836	38,4%
2017	788 531	480 547	39,1%
2016	871 084	559 636	35,8%

Наиболее высокие показатели раскрываемости краж зафиксированы в Северо-Кавказском федеральном округе – здесь в 2020 году было раскрыто 48,6% краж. При этом, в Чеченской республике раскрываемость краж достигла 95,1%, в Республике Дагестан – 80,8%. Некоторые эксперты относятся к таким цифрам скептически, предполагая, что правоохранными органами

указанных субъектов регистрируются далеко не все преступления с целью «не портить статистику». В остальных округах ситуация с раскрываемостью краж относительно ровная. Наихудшие показатели зафиксированы в следующих регионах – г. Москва (17%), Ленинградская область (18%), Новосибирская область (19,8%).

Итак, приведенные показатели дают основания для вывода о том, что борьба с кражами в России недостаточно эффективна – раскрывается только 37% таких преступлений. При этом необходимо учитывать и тот факт, что кражи характеризуются высокой латентностью, причинами чего следует считать отсутствие доверия к правоохранительным органам, возможность использования незаконных альтернативных уголовному правосудию форм защиты собственных интересов и т.д. [46, с. 105].

Следует обратить внимание, что значительная часть краж совершается при отягчающих обстоятельствах – в течение последних пяти лет доля таких краж не опускалась ниже, чем на 68% из общего числа совершенных. При этом определенные изменения коснулись соотношения числа таких преступлений. В 2020 году продолжилась тенденция к снижению числа краж, сопряженных с незаконным проникновением в жилища (-22,1 %), которые на протяжении длительного времени являются преобладающими в структуре краж. Чаще других таким преступлениям подвергались граждане, проживающие в Амурской (133,9 преступлений на 100 тыс. населения), Еврейской автономной области (132,6) и Новгородской (99,8) областях. Исследователи отмечают, что основным средством профилактики квартирных краж выступает оперативное раскрытие преступных деяний, поскольку если не схватить злоумышленника «по горячим следам», то доказать его вину достаточно трудно.

Практически на треть (-32,3 %) меньше совершено карманных краж. Сокращение таких преступлений в разной степени отмечается практически во всех субъектах Российской Федерации за исключением Костромской области, где их число возросло на 20 % (54). Профилактика такого рода преступлений также достаточно затруднительна – в ее основе лежит информирование

населения о карманных кражах и лицах, их совершивших, проведение индивидуально-профилактической работы с преступниками [32].

Заметно увеличилось число краж, совершенных с банковского счета или в отношении электронных денежных средств. За прошедший год зарегистрировано более 169,5 тыс. таких преступных посягательств, за 2019 год – 93,7 тыс. В 23 субъектах Российской Федерации число таких краж увеличилось кратно.

Теперь проанализируем абсолютное количество лиц, осужденных за совершение кражи. Как показывают данные судебной статистики, в 2015 году этот показатель составил 209 617 человек, в 2016 году – 199 071 человек, в 2017 году – 175 388 человек, в 2018 году – 164 739 человек, в 2019 году – 155 511 человек [26]. Приведенные данные позволяют говорить о снижении числа лиц, осужденных за кражу в абсолютных показателях, что отражено на рисунке 1.

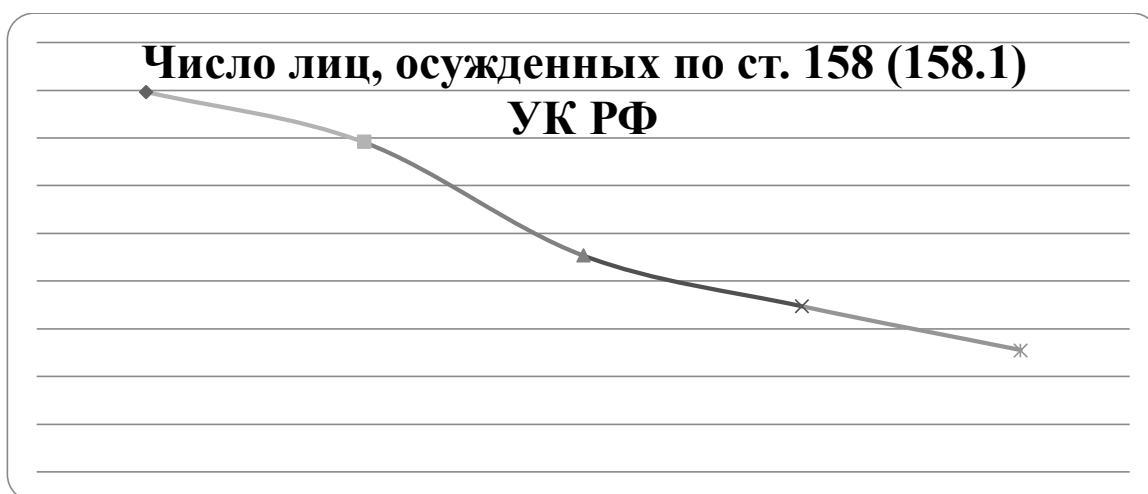

Рисунок 1 – Динамика числа лиц, осужденных за кражу в России за 2015-2019 гг.

Однако анализ относительных показателей показывает, что доля лиц, ежегодно осуждаемых за кражу из общего числа осужденных, в последние три года вновь получила тенденцию к росту, что отражено на рисунке 2.

Доля лиц, осужденных по ст. 158 УК РФ из общего числа осужденных (в %)

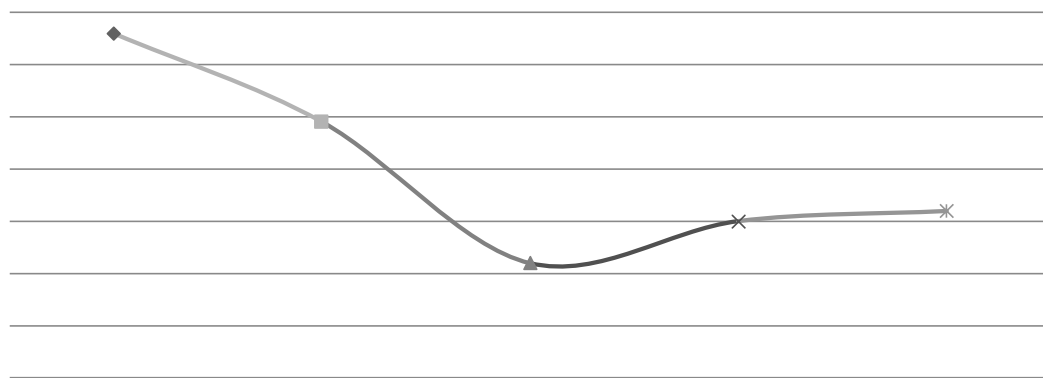

Рисунок 2 – Динамика доли лиц, осужденных по ст. 158 УК РФ из общего числа осужденных за 2015-2019 гг.

Кражи совершаются преимущественно мужчинами – доля женщин, совершивших преступление, ответственность за которое предусмотрена ст. 158 УК РФ, в течение последних пяти лет колеблется от 13% (в 2017 года) до 15% (в 2019 году) от общего числа осужденных за кражу.

Кражи чаще всего совершаются лицами в возрасте от 30 до 49 лет – при этом в последние годы доля осужденных этой возрастной группы несколько возросла – с 44% от общего числа осужденных за кражу в 2015 году до 51% по итогам 2019 года. При этом снижается доля преступников в возрасте от 18 до 24 лет, совершавших кражу – в 2015 году лица этого возраста составляли 25% из общего числа осужденных, а в 2019 году этот показатель оказался равным 20%.

Доля несовершеннолетних осужденных за кражу (в возрасте от 14 до 17 лет) в течение 5 последних лет стабильно находится на уровне 5-6%. Однако эти цифры не показывают реальной картины – статистика МВД РФ свидетельствует о том, что значительная часть краж совершается лицами в возрасте до 14 лет, которые не являются субъектами преступления, и поэтому

проблема совершения краж несовершеннолетними стоит в нашей стране достаточно остро [43, с. 148].

Преимущественное большинство краж (порядка 90%) совершаются лицами, проживающими в данной местности.

Достаточно редко за кражи осуждаются лица, имеющие высшее профессиональное образование (такое происходит примерно в 3-4% случаев), намного чаще это лица с общим средним образованием (37-39% из общего числа осужденных за кражу), средним профессиональным (31-34%) или даже основным общим, начальным образованием или лица, вообще не имеющие образования (26%).

Поскольку кражи относятся к числу корыстных преступлений, представляется логичным, что большая их часть совершается трудоспособными лицами без определенного рода занятий (порядка 70% из общего числа осужденных по ст. 158 УК РФ составляют именно такие лица), а также рабочими, чей труд недостаточно высоко оплачивается (они составляют около 17% лиц, осужденных за кражу), учащимися и студентами (5%). Приведенные цифры наглядно демонстрируют связь распространенности такого преступления как кража с материальным благополучием населения государства, уровнем безработицы, объемом социальной поддержки граждан и другими аспектами социальной политики.

Кражи практически в равной степени распространены в городской и сельской местности. Каждая четвертая кража совершается в состоянии алкогольного опьянения, а почти каждая вторая – лицом, имеющим неснятые и непогашенные судимости на ее совершения.

Таким образом, наиболее типичный криминологический портрет лица, осужденного за кражу, выглядит следующим образом – трудоспособный мужчина в возрасте 30-49 лет со средним общим или профессиональным образованием, без определенного рода занятий (нередко имеющий неснятую или непогашенную судимость). Что касается личностных качеств преступников, осужденных по ст. 158 УК РФ, то в сравнении с лицами,

совершающими насильственные преступления против собственности они «более социально адаптированы, менее импульсивны, более лабильны и подвижны, у них меньше выражена тревога и общая неудовлетворенность социальным положением» [2, с. 41]. Лица, совершающие кражу менее агрессивны, чем «насильственные преступники», более уравновешены и лучше контролируют свое поведение. Такие лица хорошо ориентируются в социальных нормах, но не принимают их, общительны, чувство вины у воров, как правило, отсутствует [2, с. 41].

Следует понимать, что приведенные выше усредненные представления о субъекте совершения кражи достаточно условны, поскольку отдельные виды краж имеют свои особенности. Так, например, кражи, мотивированные чувством голода, как правило, совершаются в сельской местности, что можно связать с высоким уровнем безработицы и низким уровнем доходов населения. Предметом таких краж являются готовые к употреблению продукты или домашние животные, а преступники в 99% случаях являются мужчинами, которые чаще, чем было обобщено выше, а именно в 70% случаях находятся в состоянии алкогольного опьянения [88, с. 7].

Определенные особенности имеет и криминологический портрет лица, совершившего квартирную кражу – такие лица более пренебрежительно в сравнении с иными ворами, относятся к этическим ценностям и социальным нормам, их адаптация в социуме хуже, нежели у других категорий преступников [64, с. 65].

Несовершеннолетних лиц к совершению краж побуждает, как правило, неблагоприятное социальное окружение – аморальное поведение взрослых в семье, низкий уровень социального развития, беспризорность, реже мотивами к совершению краж являются желание реализовать свои амбиции, выделиться среди друзей, одноклассников [43, с. 149] - такой мотив характерен в частности для краж автомобилей [46, с. 108].

Таким образом, в результате проведенного анализа пришли к следующим выводам:

- обобщено, что кражи являются наиболее распространенными преступлениями в структуре общей преступности в Российской Федерации, уровень их раскрываемости в некоторых регионах не превышает 17%. Отмечены изменения в структуре краж – снижается число квартирных и карманных краж; заметно увеличивается число краж, совершенных с банковского счета или в отношении электронных денежных средств, что обусловлено развитием информационных технологий и их активное внедрение в банковскую сферу. Профилактика наиболее распространенных видов краж представляется затруднительной и ограничивается преимущественно информационно-профилактической работой с населением и лицами, совершившими противоправные деяния; если не задержать преступника «по горячим следам», то доказать его вину в совершении карманной и квартирной кражи достаточно трудно;
- установлено, что наиболее типичный криминологический портрет лица, осужденного за кражу, выглядит следующим образом – трудоспособный мужчина в возрасте 30-49 лет со средним общим или профессиональным образованием, без определенного рода занятий (нередко имеющий неснятую или непогашенную судимость). Следует понимать, что приведенные выше усредненные представления о субъекте совершения кражи достаточно условны, поскольку отдельные виды краж имеют свои особенности, что находит отражение на характеристиках личности преступников, мотивах совершения кражи и т.д.

Итак, в рамках первой главы исследования были обобщены исторические этапы развития законодательства, устанавливающего уголовную ответственность за кражу: (1) период до XVI века, когда институт уголовной ответственности за кражу находится на этапе своего становления. Кража дифференцируется в зависимости от вида предмета и ценности похищаемого имущества. К концу периода формируется представление о

простой и квалифицированной краже. Основной вид наказания – штраф;

(2) XVII век – 1917 год – в основу наказания за кражу положены принципы устрашения и возмездия; появляются понятия «вор», «воровство»; ответственность дифференцируется также в зависимости от повторения преступлений. В данный период формируется понятие о пособниках и соучастниках кражи. К концу периода формулируется понятие кражи, кража классифицируется на несколько видов по различным основаниям. За совершение кражи назначаются наиболее суровые наказания – вплоть до смертной казни. В целом уже на данном этапе можно говорить об окончательном формировании института кражи;

(3) советский период, когда законодатель установил приоритет уголовно-правовой охраны государственной и общественной собственности, что привело к ужесточению мер наказания за данные преступления;

(4) современный этап, постсоветский период (с момента принятия действующего УК РФ – до настоящего времени) на котором изменения в уголовный закон о краже обуславливаются изменяющимися общественными отношениями.

При анализе действующего законодательства зарубежных стран было предложено воспроизвести в российском уголовном законе следующий зарубежный опыт – (1) в нормативном определении кражи в ч. 1 ст. 158 УК РФ по примеру УК Испании закрепить указание на сумму похищенного имущества, которая позволяет отграничить кражу как преступления от административного проступка; (2) признать энергию предметом кражи и в Российской Федерации, а с целью избежать противоречия с содержанием физического признака предмета кражи, при формулировании нормативного определения этого понятия, по примеру УК Франции энергию перечислить в одном ряду с имуществом. Было установлено, что в законодательстве ряда зарубежных государств особенное правовое регулирование предусмотрено в отношении краж, предметом которых является имущество супруга или близкого родственника – в США Франции такие деяния декриминализованы, в Швеции предусмотрен особый порядок

инициирования соответствующих уголовных производств. Закрепление подобных норм в законодательстве Российской Федерации представляется необоснованным.

Криминологическая характеристика современной кражи в России позволила установить, что кражи являются наиболее распространенными преступлениями в структуре общей преступности в Российской Федерации, уровень их раскрываемости в некоторых регионах не превышает 17%. Отмечены изменения в структуре краж – снижается число квартирных и карманных краж; заметно увеличивается число краж, совершенных с банковского счета или в отношении электронных денежных средств, что обусловлено развитием информационных технологий и их активное внедрение в банковскую сферу. Профилактика наиболее распространенных видов краж представляется затруднительной и ограничивается преимущественно информационно-профилактической работой с населением и лицами, совершившими противоправные деяния; если не задержать преступника «по горячим следам», то доказать его вину в совершении карманной и квартирной кражи достаточно трудно. Также было установлено, что наиболее типичный криминологический портрет лица, осужденного за кражу, выглядит следующим образом – трудоспособный мужчина в возрасте 30-49 лет со средним общим или профессиональным образованием, без определенного рода занятий (нередко имеющий неснятую или непогашенную судимость). Следует понимать, что приведенные выше усредненные представления о субъекте совершения кражи достаточно условны, поскольку отдельные виды краж имеют свои особенности, что находит отражение на характеристиках личности преступников, мотивах совершения кражи и т.д.

Глава 2 Кража как форма хищения в уголовном законодательстве Российской Федерации

2.1 Объективные признаки состава кражи

В действующем Уголовном кодексе Российской Федерации ответственность за кражу – тайное хищение чужого имущества, установлена ст. 158 УК РФ.

Доктрина уголовного права к числу объективных признаков состава преступления относит признаки объекта и объективной стороны.

Термином «объект преступления» в уголовно-правовой науке обозначается как элемент состава преступления, так и один из признаков. Так, объект преступления как один из элементов состава преступления включает в себя два признака – обязательный (объект преступления) и факультативные (предмет преступления и потерпевший от преступления) [27, с. 78].

В уголовно-правовой науке под объектом преступления понимают «общественные отношения, охраняемые уголовным законом, которым преступлением причиняется вред либо создается реальная угроза причинения вреда» [42, с. 135]. Объект преступления является основным показателем уровня общественной опасности преступления, указывает на его правовую и социальную сущность, характеризует преступление с качественной стороны, выступает одним из критериев отграничения смежных преступлений и преступлений от неправомерных деяний. В связи с этим объект преступления положен в основу систематизации (и классификации) преступлений в УК РФ. С принятием действующего уголовного закона в науке российского уголовного права сформировалось представление о четырехступенчатой системе классификации объектов преступлений – общий, родовой, видовой, непосредственный.

Общий объект составляет «совокупность всех общественных отношений, которые охраняются уголовным законом от преступных посягательств» [28, с. 75].

Общий объект всех преступлений обозначен в ч. 1 ст. 2 УК РФ. Его составляют общественные отношения по охране прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также по предупреждению преступлений.

Родовой объект представляет собой «объект группы однородных преступлений, часть общего объекта» [28, с. 75]. Роль родового объекта в уголовном праве состоит в том, что он позволяет классифицировать все преступления на определенные группы, разграничить степень общественной опасности каждой из этих групп преступлений. Кроме того, именно в зависимости от родового объекта УК РФ поделен на разделы – наименования разделов и содержат название родовых объектов [42, с. 140]. Следовательно, родовым объектом кражи являются общественные отношения по охране экономики, которые в правовой литературе трактуются как «отношения, возникающие по поводу производства, распределения, обмена и потребления материальных благ и услуг» [91, с. 83].

Видовой объект составляет «группа однородных общественных отношений (часть родового объекта), охраняемых нормами, помещенными в одну главу Особенной части УК РФ» [28, с. 75]. На видовой объект посягают преступления одного вида и преступления, которые охраняются уголовно-правовыми нормами одного вида [28, с. 76]. Применительно к составу кражи видовой объект составляют общественные отношения по охране собственности. В соответствии с нормами гражданского законодательства в Российской Федерации признаются частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности, каждая из которых защищается равным образом (ст. 212 Гражданского кодекса Российской Федерации) [25]. Общественные

отношения по охране собственности включают права каждого конкретного собственника владеть, пользоваться и распоряжаться принадлежащим ему имуществом [91, с. 83]. В случае совершения кражи собственники утрачивают все названные выше правомочия в отношении предмета кражи.

«Непосредственный объект преступления, представляет собой охраняемое уголовным законом конкретное общественное отношение (часть видового объекта), на которое посягает конкретное преступление и которое охраняется конкретной уголовно-правовой нормой. Непосредственный объект определяет особенности конкретных преступлений, посягающих на один и тот же видовой и родовой объект» [28, с. 51]. Применительно к краже непосредственный объект определяется отношениями по охране конкретной формы собственности.

Выше уже было отмечено, что факультативными признаками объекта преступления выступают предмет и потерпевший.

Предметом преступления выступает «предмет материального или нематериального мира, на который непосредственно воздействует виновный при посягательстве на объект преступления» [38, с. 52]. Факультативность этого признака означает, что он присутствует не в каждом преступлении – однако, если в уголовном законе содержится прямое указание на предмет преступления, он становится обязательным [41, с. 141]. Такое указание содержится в частности в ч. 1 ст. 158 УК РФ – обязательным признаком кражи является чужое имущество.

В научной литературе также акцентируется внимание на признаках, которыми должно обладать чужое имущество, являющееся предметом кражи:

- «физический признак: под имуществом понимают предметы материального мира;
- экономический признак: к имуществу относятся только те предметы, которые созданы либо извлечены из природных запасов трудом человека, обладают стоимостью;

- юридический признак: по отношению к виновному имущество является заведомо чужим, то есть лицо, совершившее хищение, не является его собственником или законным владельцем» [36].

В правовой науке имеют место некоторые дискуссии, содержание которых касается предмета кражи – остро стоит вопрос относительно возможности предметом кражи признавать, во-первых, недвижимое имущество, во-вторых, материальные субстанции (электроэнергия, газ) [19, с. 78]. Большая часть исследователей положительно отвечает на приведенные выше вопросы. Более того, в России в 2017 году выдвигалась законодательная инициатива установить уголовную ответственность за кражу электроэнергии, путем внесения соответствующих поправок в п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ. при обсуждении данной инициативы Первый зампред комитета Госдумы по государственному строительству и законодательству Михаил Емельянов, подтверждая высказанную выше позицию, отметил, что поскольку ст. 158 УК РФ касается хищений любого имущества и предусматривает достаточно серьезные санкции, то необходимость в установлении ответственности именно за кражу из электросетей отсутствует – ст. 158 УК РФ «вполне может применяться и должна применяться при краже электроэнергии» [113]. Электроэнергия, действительно, признается имуществом рядом современных исследователей [112]. В то же время признание электроэнергии предметом кражи будет вступать в противоречие с содержанием физического признака предмета преступления, предусмотренного ст. 158 УК РФ. Для устранения этого противоречия, во Франции при определении кражи, а именно ее предмета, энергия перечисляется в одном ряду с имуществом. Полагаем, что в связи с актуальностью проблемы кражи электроэнергии в России подобный опыт может быть воспринят и нашим законодателем.

Что касается недвижимости, то еще в самом начале XX века И.Я. Фойницкий писал: «Только движимые имущества могут быть взяты и передвинуты с места на место, т.е. похищены; эта деятельность невозможна

по отношению к имуществам недвижимым» [108, с. 166]. Однако в настоящее время такая позиция не совсем справедлива. Так, согласно ч. 1 ст. 130 ГК РФ к недвижимым вещам относятся, в том числе подлежащие государственной регистрации воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания, которые «можно так же похитить, как и движимое имущество» [90]. Еще одним примером кражи недвижимого имущества, который встречается в научной литературе является кража многолетних насаждений с садового участка. В таком случае предмет кражи очерчивается еще шире: «предметом кражи может выступать и недвижимость, но при том неперемещаемом условии, что ее передвижение в пространстве возможно осуществлять без особых потерь потребительской стоимости и целевого назначения имущества» [116, с. 7]. Полагаем, что именно такой подход должен быть закреплен в судебной практике.

Важное значение имеет стоимость имущества, являющегося предметом кражи – именно на этом основании осуществляется разграничения кражи с административным проступком, предусмотренным ст. 7. 27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [35] (далее – КоАП РФ), т. е. мелким хищением. Предметом последнего выступает чужое имущество, стоимость которого не превышает 1 000 рублей или 2 500 рублей, если отсутствуют квалифицирующие признаки ч. 2-4 ст. 158 УК РФ. Полагаем, что стоимостной признак чужого имущества, являющегося предметом кражи, должен найти отражение и в УК РФ. Реализовать такое предложение возможно путем закрепления в примечании к ст. 158 УК РФ указание на то, что, если стоимость предмета кражи не превышает 1000 рублей или 2 500 рублей при отсутствии квалифицирующих признаков ч. 2-4 ст. 158 УК РФ, она признается мелким хищением и ответственность за совершение такого деяния устанавливается КоАП РФ.

Определенные дискуссии в научной литературе вызвали формулировки законодателя «не превышает одну тысячу рублей», «не более двух тысяч пятисот рублей». Некоторые исследователи полагают, что из них однозначно

не ясно как следует квалифицировать кражу чужого имущества стоимостью ровно 1000 рублей или 2500 рублей (при отсутствии квалифицирующих признаков кражи) [49, с. 200].

На наш взгляд, из логического толкования положений ст. 7.27 КоАП РФ следует, что деяние признается кражей только в случае, если ущерб от тайного хищения превышает 1000 рублей или 2500 рублей (при отсутствии квалифицирующих признаков кражи) хотя бы на несколько копеек. Подтверждается этот вывод и материалами судебной практики – так, Апелляционным постановлением Магаданского областного суда от 2 ноября 2016 г. по делу № 22-548/2016 из приговора суда первой инстанции, вынесенного в отношении К.Д.А. было исключено осуждение за хищение имущества Ф., которому был причинен ущерб на сумму 2500 рублей [8]. В Апелляционном постановлении Тверского областного суда от 8 июня 2017 г. по делу № 22-1003/2017 прямо отмечено, что «законом устранена преступность деяния, если стоимость похищенного чужого имущества составляет не более 2500 рублей (то есть 2500 рублей или менее этой суммы)» [13].

Некоторые исследователи считают неоправданным решение законодателя разграничивать мелкое хищение и кражу в зависимости от стоимости имущества в твердой сумме, «так как с учетом инфляции покупательная стоимость рубля постоянно падает, при том не исключена и гиперинфляция. Кроме этого, нельзя исключать и деноминацию национальной валюты» [52, с. 160]. С такой позицией следует согласиться.

Еще одним факультативным признаком объектом преступления является потерпевший. УК РФ не раскрывает содержание этого понятия, несмотря на то, что достаточно часто оперирует им как в Общей, так и в Особенной части. Нормативное определение потерпевшего закреплено в ч. 1 ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, где им признается «физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в

случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации. Решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела и оформляется постановлением дознавателя, следователя, судьи или определением суда» [101]. Однако приведенное определение не может применяться для целей уголовного закона, поскольку между потерпевшем в уголовно-процессуальном и уголовно-правовом смыслах имеется целый ряд принципиальных отличий, которые касаются момента приобретения лицом соответствующего статуса, функций, возложенных на это лицо, его роли и т.д. В связи с этим исследователями высказывались предложения о замене в уголовном праве термина «потерпевший» на «пострадавший» или «жертва». Однако до настоящего времени такие предложения не были реализованы и под потерпевшим в уголовном праве понимается «конкретное лицо, которому преступлением причинен какой-либо вред» [42, с. 145]. В научной литературе существует дискуссия на предмет того может ли в качестве потерпевшего в уголовном праве выступать юридическое лицо. На наш взгляд, справедлива позиция Н.И. Кузнецовой, которая отмечает, что преступлениями против собственности «вред может быть причинен как физическим, так и юридическим лицам» [42, с. 145].

Объективная сторона преступления характеризует внешнюю сторону общественно опасного посягательства, совершаемого в определенное время и в определенном месте и причиняющего вред общественным отношениям.

Объективная сторона составов преступлений состоит из обязательных и факультативных признаков. К числу первых относится общественно опасное деяние [99, с. 219]. Однако в связи с тем, что кража является преступлением с материальным составом и поэтому ее обязательными признаками выступают также общественно опасные последствия и причинная связь между деянием и последствиями [99, с. 219].

Деяния как обязательный признак объективной стороны рассматривается в уголовно-правовой науке как «акт сознательного поведения

человека, обязательный признак объективной стороны всякого конкретного состава преступления» [28, с. 81]. Такое поведение может иметь активную (действие) или пассивную форму (бездействие).

Из диспозиции ч. 1 ст. 158 УК РФ следует, что кража совершается путем активных тайных действий по хищению. Из содержания примечания 1 к ст. 158 УК РФ и п. 1 Постановления Пленума от 27.12.2002 года № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» [58] следует, что под хищением следует понимать «совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества».

Из приведенного определения видно, что кража предполагает изъятие предмета кражи, то есть его «перевод из обладания собственника либо иного законного владельца в фактическое обладание виновного или других лиц» [1, с. 15].

После изъятия предмета кражи следует «обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц». Такая формулировка подвергается критике со стороны некоторых исследователей – они полагают, что таким образом момент окончания кражи «переносится на стадию использования или даже распоряжения имуществом». При этом в качестве более удачной предлагается формулировка «обращение во владение виновного или других лиц» [93, с. 153]. Именно она будет соответствовать правилу, закрепленному в п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», согласно которому кража считается оконченной в момент, когда у лица появляется реальная возможность пользоваться или распоряжаться изъятим имуществом.

«Изъятие и обращение чужого имущества при совершении кражи характеризуется двумя основными признаками – противоправностью (то есть без законных оснований и помимо воли владельца) и безвозмездностью (то есть без адекватной оплаты)» [1, с. 15]. Отсутствие хотя бы одного из

названных признаков исключает возможность квалификации действий лица как кражи. Рассмотрим пример из судебной практики. Приговором Кировского районного суда г. Омска от 16 июля 2020 г. по делу № 1-306/2020 хищением не было признано тайное снятие подсудимым денег с банковского счета потерпевшей в размере 3 000 рублей, поскольку между названными лицами существовала договоренность о получении последним денежных средств в указанном размере за аренду жилья. При таких обстоятельствах суд признал подсудимого имеющим право на получение 3 000 рублей и отметил, что «изъятие этой суммы нельзя признать хищением, ввиду отсутствия признака противоправности» [73]. Отсутствие признака безвозмездности было установлено в действиях П.М.С., который по просьбе П.№1 сдал принадлежащие ей серьги с целью последующей покупки спиртного. П.М.С. через несколько дней, выкупил указанные золотые украшения у ломбарда за свои денежные средства и распорядился ими по своему усмотрению. Суд первой и апелляционной инстанций подтвердили, что «выкуп П.М.С. золотых украшений за свои денежные средства свидетельствует об отсутствии признака безвозмездности, как того требует закон, при установлении признаков хищения имущества. То, что П.М.С. в дальнейшем распорядился выкупленными за свои денежные средства сережками, не является основанием полагать, что им совершено хищение» [7].

Общественно опасным последствие в теории уголовного права рассматривается как вредоносное (негативное) изменение общественных отношений [99, с. 92]. Применительно к краже такое вредоносное изменение связано с причинением ущерба собственнику или иному владельцу имущества. Как справедливо отмечает И.Н. Бокова «для того, чтобы собственнику или владельцу имущества был причинен ущерб, необходимо, чтобы похищенное обладало стоимостью. Если похищено имущество, не имеющее стоимости, не представляющее какой-либо ценности, то и состава хищения в действиях виновного усматриваться не будет» [18, с. 65]. Это подтверждается материалами судебной практики – так, например, по мнению

суда не повлекло причинение имущественного ущерба хищение из пристройки старых мягких игрушек и электрических проводов от неработающих приборов (чайника, утюга, светильника, блока питания, насоса и обогревателя) [79].

Между активными тайными действиями по хищению и причинением ущерба собственнику или иному владельцу имущества должна иметь место причинная связь – то есть указанное деяние должно являться причиной, с неизбежностью порождающей такой ущерб.

Факультативными признаками объективной стороны являются время, место, способ, обстановка, орудие и средства совершения преступления. Эти признаки влияют на квалификацию деяния лишь в тех случаях, когда они непосредственно указаны в диспозиции соответствующей статьи [37].

Способ совершения преступления представляет собой конкретное проявление деяние в зависимости от использования орудий, средств, обстоятельств и обстановки совершения преступления.

В диспозиции ч. 1 ст. 158 УК РФ содержится указание на тайный способ совершения рассматриваемого преступления. Это означает, что тайность является обязательным признаком кражи. Указанием на это законодатель очерчивает опасность преступления и личности лица, совершающего его. Так, тайный способ совершения кражи дает возможность отграничить это преступление от более общественно опасных составов, совершаемых открытым способом (в частности грабежа).

Тайными действиями при совершении кражи следует считать такие, которые «совершены в отсутствии собственника или иного владельца этого имущества, или посторонних лиц либо хотя и в их присутствии, но незаметно для них» или такие, совершение которых видели другие лица, «однако виновный, исходя из окружающей обстановки, полагал, что действует тайно». Таким образом, справедливо полагать, что тайный способ хищения характеризуется двумя критериями:

- а) «объективный критерий, который отражает отношение собственника, владельца или иного лица, к совершаемому изъятию имущества. Наличие объективного критерия тайного способа хищения имеет место, если:
- на месте преступления отсутствуют любые лица, кроме лица, совершающего хищение;
 - лица, находящиеся на месте совершения преступления не замечают процесса изъятия (такая ситуация имеет место, когда совершается кража мобильного телефона из кармана куртки в переполненном общественном транспорте);
 - лица, находящиеся на месте совершения преступления замечают процесса изъятия, но не осознают, что он противоправный (например, в силу малолетнего возраста);
 - лица, находящиеся на месте совершения преступления, не осознают противоправности изъятия, поскольку находятся под психологическим воздействием виновного» [19, с. 79].
- б) субъективный критерий, который отражает отношение лица, совершающего изъятие к возможности осознания противоправности этого действия другими лицами – совершающее хищение лицо убеждено, что факт противоправного изъятия никто не осознает.

Перечень объективных критериев тайности хищения, сформулированный И.П. Бородиной, считаем необходимым дополнить обстоятельством, обозначенным в п. 4 Постановления Пленума от 27.12.2002 года №29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». Тайным признается хищение, совершенное в присутствии близкого родственника виновного, который рассчитывает в связи с этим на то, что в ходе изъятия имущества он не встретит противодействия со стороны указанного лица. Приведенное положение представляется неполным, поскольку к лицам на отсутствие противодействия, со стороны которых может рассчитывать виновный, относятся не только близкие родственники. К таким лицам могут

быть отнесены и те, с которыми последний находится в дружеских или иных взаимоотношениях личного характера. Подобного подхода придерживается и судебная практика – так, например, как кража были квалифицированы действия Т.М.Ю., который совершил тайное хищение чужого имущества в присутствии ФИОЗ, являющегося его другом, понимая, что он не встретит противодействия от ФИОЗ в ходе хищения имущества [68]. В Апелляционном постановлении № 22-3334/2020 от 4 июня 2020 г. Красноярский краевой суд прямо отметил следующее – «несмотря на то, что Свидетель №2 не является С. близким родственником, но и посторонним лицом для виновного не является, что С. осознавал при совершении преступления, как и то, что Свидетель №2 препятствовать совершению хищения не будет». Это стало основание для переквалификации действий С. с ч. 1 ст. 161 УК РФ на ч. 1 ст. 158 УК РФ [3].

Для обеспечения единообразия судебной практики считаем необходимым разъяснить нижестоящим судам, что если присутствующее является близким родственником виновного, находится с ним в дружеских или иных взаимоотношениях личного характера, в связи с чем виновный рассчитывает на то, что в ходе изъятия имущества он не встретит противодействия со стороны указанного лица, содеянное следует квалифицировать как кражу чужого имущества.

Для квалификации деяния в качестве тайного необходимо наличие хотя бы одного критерия – субъективного [69, 74].

Исследователи указывают на такой важный признак объективной стороны кражи как ненасильственный характер посягательства – он так и не нашел отражения в нормах уголовного закона и позициях Верховного Суда РФ, однако анализ смежных составов (в частности ст. ст. 161, 162 УК РФ) показывает, что отличительной и законной характеристикой кражи является ненасильственный характер этого преступления [31, с. 356].

Способ совершения кражи имеет значение для квалификации следующих видов краж:

- по п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ квалифицируется кража с незаконным проникновением в помещение либо иное хранилище. Содержание понятия «помещения» и «хранилище» раскрывается в Примечании 3 к ст. 158 УК РФ;
- по п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ квалифицируется кража с незаконным проникновением в жилище. Понятие «жилище» для целей уголовного закона раскрывается в Примечании к ст. 139 УК РФ.

Анализируя понятия «помещение» и «жилище», исследователи отмечают, что для их разграничения принципиальное значение имеет ответ на вопрос предназначен ли объект для проживания (постоянно или временного) или для нахождения в нем людей. Единообразное толкование обозначенных категорий вызывает определенные трудности [41, с. 28] - этот аспект будет рассмотрен подробнее ниже.

В качестве квалифицирующего признака кражи может выступать также и обстановка совершения преступления, которая рассматривается в науке как комплексная характеристика совокупности жизненных обстоятельств, повышающая опасность преступления:

- по п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ квалифицируется кража из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем. Повышенная ответственность за совершение данного вида предусмотрена и в уголовных законодательствах зарубежных стран – схожие нормы закреплены в законодательстве некоторых штатов США, УК Франции, в уголовном праве Италии. Это связано с тем, что лицо, совершающее кражи из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем, является, как правило, «профессиональным» преступником, обладает определенными навыками и приемами, действует вместе с пособниками и, следовательно, представляют большую общественную опасность [86, с. 34]. Кроме того, такими действиями может быть причинен существенный материальный ущерб;

- по п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ квалифицируется кража из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода. Такая кража характеризуется специфическим предметом, которым может выступать нефть или газ.

Таким образом, в результате проведенного анализа были обобщены теоретические знания об обязательных и факультативных признаках объективной стороны кражи, было предложено следующее:

- в ч. 1 ст. 158 УК РФ закрепить следующее понятие «Кража, то есть противоправное безвозмездное ненасильственное изъятие и (или) обращение чужого имущества или электроэнергии во владение виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества»;
- разграничивать кражу и мелкое хищение в зависимости от объективных показателей, которые отражают реальную покупательную способность – минимального размера оплаты труда или размера прожиточного минимума. И отразить соответствующий стоимостной критерий в диспозиции ч. 1 ст. 158 УК РФ;
- Верховному Суду Российской Федерации разъяснить, что предметом кражи может выступать недвижимое имущество, передвижение которого в пространстве возможно осуществлять без особых потерь его потребительской стоимости и целевого назначения;
- Верховному Суду Российской Федерации разъяснить нижестоящим судам, что если присутствующее при совершении кражи является близким родственником виновного, находится с ним в дружеских или иных взаимоотношениях личного характера, в связи с чем виновный рассчитывает на то, что в ходе изъятия имущества он не встретит противодействия со стороны указанного лица, содеянное следует квалифицировать как кражу чужого имущества.

2.2 Субъективные признаки состава кражи

Из содержания ст. 19 УК РФ следует, что субъект преступления характеризуется наличием таких обязательных признаков как:

- физическое лицо – граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства;
- возраст. По общему правилу, исходя из содержания ч. 1 ст. 20 УК РФ уголовной ответственности подлежит лицо, достигшее ко времени совершения преступления шестнадцатилетнего возраста. В соответствии с п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» лицо считается достигшим возраста, с которого наступает уголовная ответственность, не в день рождения, а по его истечении, т.е. с нуля часов следующих суток [60];
- вменяемость – это «способность лица во время совершения преступления осознавать свои действия (бездействия) и руководить ими» [99, с. 224]. Понятие вменяемости определяется в УК РФ через понятие невменяемости, закрепленное в ст. 21 УК РФ.

Невменяемость характеризуется двумя критериями:

- юридический, который состоит в неспособности лица осознавать фактический характер и общественную опасность своих деяний (интеллектуальный признак) или руководить ими (волевой признак);
- медицинский критерий, который определяется наличием у лица хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики.

При рассмотрении состава кражи важно отметить, что невменяемым может быть признано лицо, имеющее специфическое заболевание –

клептомания (патологическое воровство), при котором лицо осознает общественную опасность хищения, но не может руководить своими действиями. Анализ судебной практики показывает, что виновные в краже лица при построении своей защиты иногда ссылаются на наличие у них такого заболевания – в таких случаях проводится психиатрическое обследование [80, 71].

Следует обратить внимание, что субъектом кражи не может быть лицо, которое обладает какими-либо полномочиями или правами в отношении предмета кражи – действия таких лиц создают составы других преступлений (например, присвоения).

Субъект кражи – общий. Им является физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 14 лет (ч. 2 ст. 20 УК РФ).

Субъективная сторона преступления – внутренняя сторона поведения лица, совершающего преступление, его психическая деятельность в связи с совершаемым им преступлением [28, с. 55]. Обязательным признаком субъективной стороны является вина, факультативными – мотив и цель.

С субъективной стороны преступления могут совершаться в форме умысла или неосторожности. Кража всегда характеризуется виной в виде прямого умысла, то есть лицо, совершающее тайное хищение чужого имущества осознает общественную опасность своих действий, предвидит возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желает их наступления.

Рассмотрим пример из судебной практики. Из содержания Приговора Рудничного районного суда г. Прокопьевска Кемеровской области от 30 июля 2020 г. по делу № 1-354/2020: «Мамонтов И.С., ДД.ММ.ГГГГ, около 07 часов 40 минут, находясь в помещении магазина «<...>», расположенного по адресу: <...>, с целью хищения товара подошел к торговому павильону с одеждой, и в осуществление задуманного, умышленно, из корыстных побуждений, направленных на противоправное и безвозмездное изъятие чужого имущества, воспользовавшись тем, что рядом никого нет, встал на выступ около стены,

протянул руку между ограждением указанного павильона и потолком, похитил с витрины упаковку с мужской футболкой «<...>», 52 размера, стоимостью 135 рублей, упаковку с мужской футболкой «<...>», 52 размера, стоимостью 135 рублей, упаковку с мужской футболкой «<...>» 54 размера, стоимостью 135 рублей, упаковку с мужской футболкой «<...>», 54 размера, стоимостью 135 рублей, на общую сумму 540 рублей, принадлежащие ИП «Б.Г.А.», после чего, спрятал похищенные футболки в свою спортивную сумку» [81].

Очевидно, что в данном случае Мамонтов И.С. осознавал общественную опасность своих действий и желал завладеть чужим имуществом – имуществом потерпевшей Б.Г.А., на что указывают его действия, направленные на изъятие имущества последней.

Как было указано выше, факультативными признаками субъективной стороны состава преступления в уголовно-правовой науке признаются мотив и цель. Они становятся обязательными признаками состава и учитываются при квалификации преступлений только в случаях, указанных в законе, т.е. в конкретной статье Особенной части УК.

Так, обязательным признаком субъективной стороны кражи является корыстный мотив, то есть желание виновного получить материальную выгоду незаконным путем, выражается в стремлении обладать фактической возможностью незаконно владеть, пользоваться и распоряжаться чужим имуществом как своим собственным, то есть лично потребить или использовать его другим способом, продать, подарить, передать иным лицам взаймы, в качестве оплаты долга либо оказанных услуг и т.д.

В связи с этим не будет признаваться кражей, например, временное заимствование имущества – это прямо указано в п. 7 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». Это обстоятельство пытаются использовать виновные с целью уйти от ответственности. Так, например, «в апелляционной жалобе осужденная Яковлева Д.Д., указывая на доводы, аналогичные

содержащимся в апелляционной жалобе ее защитника, и подробно описывая обстоятельства произошедшего, также просит приговор суда отменить и вынести в отношении нее оправдательный приговор, поскольку умысла на безвозмездное корыстное присвоение телефона Л. у нее не было, она полагала, что имеет право брать себе на сохранение телефон лучшей подруги и хранить его в своей сумке некоторое время, чтобы в дальнейшем возвратить потерпевшей у себя дома, не с корыстной целью, а с целью не допустить его присвоения третьими лицами» [6].

В другом деле «подсудимый Кондрашкин П.В. в судебном заседании после оглашения обвинения, вину по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ признал частично, пояснил, что он действительно взял имущество, но не с корыстной целью. Он хотел получить свои деньги, поэтому взял имущество. ООО «<данные изъяты>» должно было ему выплатить заработную плату за 14 недель работы, и он взял имущество, думал, что тогда ему вернут долг» [73].

Таким образом, в результате проведенного анализа были обобщены теоретические положения о том, что субъект кражи общий. Кража совершается исключительно в форме прямого умысла и всегда характеризуется наличием корыстного мотива.

Итак, в рамках второй главы исследования была дана характеристика объективным и субъективным признакам состава кражи. В результате было предложено:

- в ч. 1 ст. 158 УК РФ закрепить следующее понятие «Кража, то есть противоправное безвозмездное ненасильственное изъятие и (или) обращение чужого имущества или электроэнергии во владение виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества»;
- разграничивать кражу и мелкое хищение в зависимости от объективных показателей, которые отражают реальную покупательную способность – минимального размера оплаты труда

или размера прожиточного минимума. И отразить соответствующий стоимостной критерий в диспозиции ч. 1 ст. 158 УК РФ;

- Верховному Суду Российской Федерации разъяснить, что предметом кражи может выступать недвижимое имущество, передвижение которого в пространстве возможно осуществлять без особых потерь его потребительской стоимости и целевого назначения;
- Верховному Суду Российской Федерации разъяснить нижестоящим судам, что если присутствующее при совершении кражи является близким родственником виновного, находится с ним в дружеских или иных взаимоотношениях личного характера, в связи с чем виновный рассчитывает на то, что в ходе изъятия имущества он не встретит противодействия со стороны указанного лица, содеянное следует квалифицировать как кражу чужого имущества.

Глава 3 Юридический анализ квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков состава кражи

3.1 Квалифицирующие признаки состава кражи

Перечень квалифицирующих составов кражи закреплен в ч. 2 ст. 158 УК РФ. Этот перечень включает кражу, совершенную (а) группой лиц по предварительному сговору; (б) с незаконным проникновением в помещение либо иное хранилище; (в) с причинением значительного ущерба гражданину; (г) из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем. Проанализируем детальнее указанные составы.

Кража, совершенная группой лиц по предварительному сговору (п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ). Общественная опасность преступлений, совершенных в соучастии, и в российском и в зарубежном праве, является обстоятельством, которое повышает общественную опасность преступного деяния. Это связано с тем, что преступная группа как коллективный субъект преступной деятельности способна «повышать негативные индивидуальные способности лиц, участвующих в совместной преступной деятельности» [84, с. 27].

Согласно ч. 2 ст. 35 УК РФ преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления. Слово «заранее» в приведенной формулировке означает, что сговор на совершение преступления у нескольких лиц возник до начала совершения преступления. В уголовном праве начало совершения преступления связывается с моментом начала выполнения его объективной стороны. Следовательно, если соглашение на совершение преступления (сговор) у соучастников возникло до момента начала выполнения объективной стороны, то преступление будет признано совершенным группой лиц по предварительному сговору, если ранее – группой лиц. В правовой науке отмечается, что с установлением момента начала совершения преступления (начала выполнения объективной стороны)

связаны определенные трудности, а приемлемый подход к их разрешению до настоящего момента не предложен.

Следует учитывать, что кража квалифицируется по п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ даже в том случае, если непосредственные действия, связанные с изъятием имущества были совершены только одним лицом, а другие соучастники кражи «совершили согласованные действия, направленные на оказание непосредственного содействия исполнителю в совершении преступления» (п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29). Так, например, Приговором Абдулинского районного суда Оренбургской области от 7 июля 2020 г. по делу № 1(2)-13/2020 по п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ была квалифицирована кража бензина, автомобильного колеса, буксировочного троса, автомагнитолы, автомобильного зарядного устройства, USB-накопителя и аудио-кабеля AUX при том, что тайное хищение чужого имущества совершал непосредственно Р.К.А., а несовершеннолетний ФИО только «осуществлял визуальный контроль за окружающей обстановкой» [67].

Кража, совершенная с незаконным проникновением в помещение либо иное хранилище (п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ). Согласно п. 3 Примечания к ст. 158 УК РФ под помещением для целей названной статьи следует понимать «строения и сооружения независимо от форм собственности, предназначенные для временного нахождения людей или размещения материальных ценностей в производственных или иных служебных целях», а под хранилищем – «хозяйственные помещения, обособленные от жилых построек, участки территории, трубопроводы, иные сооружения независимо от форм собственности, которые предназначены для постоянного или временного хранения материальных ценностей». Основные трудности при квалификации рассматриваемого состава кражи связаны с разграничением его с кражей, совершенной с незаконным проникновением в жилище (п. «а» ч. 3 ст. 158). Так, например, следственные органы квалифицировали кражу бензопилы из помещения кладовой, расположенной на усадьбе дома как совершенную с проникновением в жилище. Суд справедливо не согласился с

такой квалификацией, указ, что «основными признаками, характеризующими жилище в российском уголовном праве, являются пригодность, предназначенность и используемость помещения или строения для постоянного или временного проживания». В то же время, «помещение кладовой, из которого было совершено хищение бензопилы, является пристроенным к жилому дому, имеет с жилым домом только одну общую стену, расположено вне жилого дома, не пригодно и не приспособлено для постоянного или временного проживания, т.е. иным помещением и не может быть признано жилищем. Кладовое помещение имеет обособленный от дома вход, не имеет сообщения с жилым домом и не служит для удовлетворения жильцами бытовых и иных нужд, связанных с проживанием в жилом доме». При таких обстоятельствах суд пришел к выводу о необходимости исключения квалифицирующего признака кражи «с незаконным проникновением в жилище» из квалификации действий виновного и переквалификации его действий на п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ как совершенную с незаконным проникновением в иное хранилище [66].

Важно понимать, что для квалификации кражи по п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ проникновение в помещение либо иное хранилище должно быть незаконным, то есть носить противоправный характер (п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 №29). На противоправность проникновения указывает отсутствие согласия собственника на это [5], а проникновение не всегда связано с непосредственным вхождением в соответствующее помещение (п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29). Так, Апелляционным постановлением Хабаровского краевого суда от 29 августа 2019 г. по делу № 22-2880/2019 была подтверждена правильность квалификации по п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ тайного хищения денежных средств на сумму 4500 рублей, которое виновный совершил перегнувшись через порог цветочного павильона, «то есть не проникая в указанное помещение» [14].

Кража, совершенная с причинением значительного ущерба гражданину (п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ). Согласно п. 2 Примечания к ст. 158 УК РФ значительный ущерб гражданину в данном случае определяется с учетом его имущественного положения, но не может составлять менее пяти тысяч рублей. Использование этого, как и многих других оценочных категорий в уголовном праве приводит к многочисленным дискуссиям и правоприменительным проблемам. Из содержания понятия «значительный ущерб» следует, что для квалификации кражи по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ необходимо установить наличие двух признаков – «ухудшение имущественного положения гражданина и нижний лимит стоимости похищенного». С одной стороны, такой подход законодателя признается исследователями обоснованным, поскольку «пять тысяч рублей для среднестатистического человека и людей с большим достатком – это совершенно разные суммы», с другой отмечается отсутствие единообразия в определении содержания квалифицирующих признаков кражи. Так, квалификация кражи, совершенной в крупном и особо крупном размерах осуществляется исключительно на основании конкретных минимальных сумм, без установления в законодательстве каких-либо дополнительных условий [114, с. 578]. Вызывает дискуссии и минимальная сумма, необходимая для признания размера ущерба значительным. В целом отмечается тенденция к ее увеличению, что представляется вполне обоснованным и логичным с учетом изменений покупательской способности рубля. Однако некоторые авторы считают такое увеличение недостаточным и предлагают установить минимальную границу стоимости похищенного имущества для квалификации кражи по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ на уровне 10 тысяч рублей [115, с. 143] или вовсе связать ее с «размером минимальной оплаты труда, который установлен законодательно, либо с размером прожиточного минимума на момент совершения кражи» [114, с. 579].

Под сомнение среди исследователей ставится обоснованность распространения п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ исключительно на «граждан», что делает невозможным привлечения к ответственности на основании данной

нормы лица, причинившего значительный вред индивидуальному предпринимателю [29, с. 12]. Решить данную проблему предлагается путем изменения в п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ слова «гражданину» на «потерпевшему».

Можно обозначить еще целый ряд проблем, связанных с анализируемым квалифицированным составом кражи – трудности с объективной оценкой стоимости похищенного имущества [29, с. 13], неопределенность содержания категории «фактическая стоимость имущества», которое используется в п. 25 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29, обоснованность включения в состав ущерба причиненного гражданину суммы восстановительных работ (например, установка автомагнитолы) и т.д. [30, с. 591]. Это свидетельствует о необходимости проведения законодателем работы по совершенствованию уголовно-правовой нормы.

Кража, совершенная из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем (п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ). Для правильной квалификации этого вида кражи следует понимать причину ее повышенной общественной опасности. Она связана с тем, что «что изъятие имущества происходит при физическом контакте с потерпевшим и в тот момент, когда последний может обнаружить и пресечь действия преступника» [34, с. 210]. Следовательно, не образует состава преступления, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ «хищение из кармана одежды, находившейся при трупe, из одежды, которая висит в гардеробе, из ручной клади, сданной на хранение транспортной организации или оставленной ему для присмотра» [32, с. 126]. Данный тезис не вызывает споров среди исследователей. При этом критике иногда подвергается позиция Пленума Верховного Суда РФ, изложенная в Постановлении от 27.12.2002 №29 (п. 23.1), согласно которой «особенности состояния потерпевшего (например, сон, опьянение, потеря сознания, психическое расстройство и т.п.) значения для квалификации преступления по п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ не имеют». По мнению ученых, она не соответствует целям закрепления в законодательства анализируемого квалифицирующего признака – «усиление борьбы с карманными кражами как проявлением

профессиональной преступности». Так, если лицо крадет телефон из кармана спящего человека, находящегося в состоянии алкогольного опьянения, он не обладает особыми «профессиональными» навыками и, следовательно, большей общественной опасностью [34, с. 209]. Считаем изложенное вполне логичным, однако судебная практика движется в ином направлении [9].

Таким образом, в результате проведенного анализа пришли к следующим выводам:

- установлено, что квалификация кражи как совершенной при квалифицирующих признаках связана с целым рядом правоприменительных проблем – имеются трудности разграничения кражи, совершенной с незаконным проникновением в помещение либо иное хранилище и кражи, совершенной с незаконным проникновением в жилище и с объективной оценкой стоимости похищенного имущества;
- установлено, что ряд положений уголовного закона нуждаются в совершенствовании и разъяснении – вызывает сомнения обоснованность размера минимальной границы стоимости похищенного имущества для квалификации кражи по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ; необоснованным считаем отсутствие возможности привлечения к ответственности на основании данной нормы лица, причинившего значительный вред индивидуальному предпринимателю; существует необходимость в разъяснении содержания категории «фактическая стоимость имущества»; вызывает сомнение обоснованность содержания п. 23.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29. Очевидно, что кража, совершенная из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при спящем потерпевшем, или потерпевшем, находящемся в состоянии алкогольного опьянения, является менее общественно опасной, чем «профессиональная»

кража и должна быть исключена из числа квалифицированных составов краж.

3.2 Особо квалифицирующие признаки состава кражи

Особо квалифицирующими видами кражи, согласно ч. 3, ст. 158 УК РФ являются кражи, совершенные (а) с незаконным проникновением в жилище; (б) из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода; (в) в крупном размере; (к) с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ), ч. 4 ст. 158 УК РФ - (а) организованной группой; (б) в особо крупном размере.

Кража, совершенная с незаконным проникновением в жилище (п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ). Особенно высокая общественная опасность этого вида кражи связана с наличием дополнительно объекта, которым выступают общественные отношения по охране конституционного права на неприкосновенность жилища.

Понятие «жилище» для целей уголовного закона раскрывается в Примечании к ст. 139 УК РФ. При этом, например, нормы жилищного и гражданского законодательства Российской Федерации не используют категории «жилище» и оперируют исключительно понятием «жилое помещение», «жилой дом», «часть жилого дома» и т.д. Такая несогласованность терминологии нередко критикуется исследователями. Преобладающим подходом к соотношению понятий «жилище» и «жилое помещение» является понимание жилище как некой абстрактной социально-экономической категории, которая не имеет четких юридических признаков, а жилого помещения как конкретного объекта жилищных и гражданских прав. Вопрос разграничения понятий «помещение», «иное хранилище» и «жилище» был проанализирован выше.

Как в случае и с кражей, совершенной с незаконным проникновением в помещение либо иное хранилище, при квалификации преступления по п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ необходимо учитывать, что для признания проникновения квалифицирующим признаком, важно установить его незаконность. Так, например, данный квалифицирующий признак исключается судом, в случае если будет установлено, что кража совершена из жилища или хранилища, правом пользования которыми он обладает на законных основаниях [77]. При этом в правовой литературе возникает вопрос относительно того, как квалифицировать действия лица, совершившего хищение из жилища потерпевшего, в котором оно оказалось именно для совершения хищения, но с согласия собственника жилища, предварительно обманув его относительно своих истинных намерений нахождения в жилище [39, с. 32]. Следуя позиции Верховного Суда РФ в таком случае необходимо «выяснить, с какой целью виновный оказался в помещении (жилище, хранилище), а также когда возник умысел на завладение чужим имуществом» (п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29). Квалифицирующий признак, указанный в п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ, отсутствует, если лицо (1) находилось в жилище правомерно, не имея преступного намерения, но затем совершило кражу; (2) лицо оказалось в жилище с согласия потерпевшего или лиц, под охраной которых находилось имущество, в силу родственных отношений, знакомства; (3) находилось в торговом зале магазина, в офисе и других помещениях, открытых для посещения гражданами. Так, Приговором Железнодорожного районного суда г. Самары от 7 февраля 2020 г. по делу № 1-318/2019 действия ФИО1, которая под видом социального работника прошла в квартиру, в которой проживала Потерпевший №1, сообщив заранее о том, что потерпевшей положена денежная выплата, и похитила денежные средства в сумме 237000 рублей, были квалифицированы по п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ поскольку ФИО1 имела умысел на хищение имущества до проникновения в квартиру. Такой подход признается обоснованным, так как «получение согласия потерпевшего на посещение его жилища с помощью

обмана не может свидетельствовать о добровольности действий виновного» [39, с. 33].

Кража, совершенная из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода (п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ). Повышенная общественная опасность этого преступления обусловлена способом его совершения – действия, которые предпринимаются для хищения в данном случае связаны с «несанкционированным и непрофессиональным подключением к инженерным коммуникациям – магистральным трубопроводам и потенциально влекут угрозу незапланированной утечки, возгорания, взрыва и т.д.» [110, с. 235], в том числе и потому, что предметом этого вида кражи являются опасные химические вещества – газ, нефть и нефтепродукты. Также можно предположить, что, ужесточив санкции за рассматриваемый вид кражи, законодатель сделал попытку повысить эффективность его предупреждение. Такая необходимость обусловлена тем, что кражи, предусмотренные п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ «становятся все более массовым и систематическим явлением на территории Российской Федерации», а «установление размера причиненного ущерба и точного количества похищенной нефти или газа в большинстве случаев представляется весьма затруднительным» [96, с. 52].

В то же время при регулировании вопроса привлечения к уголовной ответственности за преступление, предусмотренное п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ, законодателем и правоприменителем были допущены некоторые неточности. Так, выше было отмечено и подтверждено анализом судебной практики, что совершение кражи, квалифицируемой по п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ всегда связано с несанкционированным подключением к инженерным коммуникациям, которое влечет за собой их повреждение. В то же время, согласно п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «Если в ходе совершения кражи нефти, нефтепродуктов и газа из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода путем врезок в трубопроводы происходит их разрушение, повреждение или приведение в негодное для эксплуатации состояние, а также технологически связанных с

ними объектов, сооружений, средств связи, автоматики, сигнализации, которые повлекли или могли повлечь нарушение их нормальной работы, то содеянное подлежит квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 3 ст. 158 и ст. 215.3 УК РФ. Такой подход в научной литературе признается таким, который «влечет наступление двойной ответственности за одно преступление» [24, с. 45].

Кража, совершенная в крупном размере (п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ). В соответствии с п. 4 Примечания к ст. 158 УК РФ крупным размером признается стоимость имущества, превышающая двести пятьдесят тысяч рублей.

Кража, совершенная с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ). Повышенную общественную опасность этого вида краж, как справедливо отмечают исследователи, не стоит связывать исключительно с ростом хищений с банковских карт. Такое решение законодателя скорее обусловлено уязвимостью получивших широкое распространение безналичных денежных средств, «поскольку место их нахождения стало известно всем, в том числе и злоумышленникам, которым оставалось только найти возможность получить к ним доступ, что и было сделано» [11, с. 117]. Кроме того, анализируемое преступление характеризуется повышенной скрытностью, дистанционным и интеллектуальным характером его совершения, невозможностью использования применительно к нему стандартных средств профилактики [48, с. 462].

Анализ судебной практики показывает, что наиболее распространенными способами совершения преступления, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ являются: (1) путем использования мобильного телефона оставленного без присмотра [78, 77]. В таком случае виновный совершает тайное хищение денежных средств, отправляя смс-сообщения с номера этого мобильного телефона на номер «900» службы поддержки ПАО «Сбербанк России» и осуществляя таким образом перевод денежных средств;

(2) путем использования потерянной иным лицом банковской карты [70, 82] или (3) банковской карты находящейся у виновного на законных основаниях [75, 70]. В первом случае виновный, как правило, совершает тайное хищение, воспользовавшись функцией бесконтактного списания денежных средств, во втором – используя известный ему персональный идентификационный номер от указанной банковской карты.

Поскольку норма п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ является относительно новой для российского уголовного закона, ее правоприменение связано с целым рядом трудностей. Основные из них связаны с разграничением кражи, совершенной с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств и мошенничества с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ). Также отмечается необходимость криминализации хищения банковских карт, что позволит решить проблему доказывания направленности умысла на совершение хищения денежных средств с использованием банковской карты. В настоящее время это не представляется возможным, поскольку банковская карта не представляет ценности для держателя, и является собственностью финансово-кредитной организации [17, с. 400].

Кража, совершенная организованной группой (п. «а» ч. 4 ст. 158 УК РФ). Понятие организованной группы раскрывается в ч. 3 ст. 35 УК РФ, где под ней понимается «устойчивая группа лиц, заранее объединившаяся для совершения одного или нескольких преступлений». В соответствии с п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 №29, особое внимание при квалификации кражи по п. «а» ч. 4 ст. 158 УК РФ следует уделить таким признаками организованной группы:

- устойчивость – этот признак имеет место, если группа существует на протяжении определенного временного промежутка, члены группы неоднократно совершают преступления, группы технически оснащена, долго готовит даже одно преступление и т.д.;
- наличие в составе группы организатора (руководителя);

- наличие заранее разработанного плана совместной преступной деятельности;
- распределение функций между членами группы при подготовке к совершению преступления и осуществлении преступного умысла.

Кража, совершенная в особо крупном размере (п. «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ). Согласно п. 4 Примечания к ст. 158 УК РФ особо крупным размером признается один миллион рублей.

Таким образом, в результате проведенного анализа обобщено, что установление некоторых особо квалифицирующих признаков состава кражи сопряжено с некоторыми трудностями и законодательными несовершенствами. В частности, подвергается критике несогласованность законодателя при использовании терминов «жилое помещение», «жилой дом», «часть жилого дома» в уголовном, гражданском и жилищном законодательстве. Исследователями ставится под сомнение обоснованность содержания п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 – правоприменителю следует оценить его на предмет соответствия принципу *Non bis in idem*. Высшей судебной инстанции необходимо четко разграничить кражу, совершенную с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств и мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ). Обоснованным представляется реализация предложения о криминализации хищения банковских карт, что позволит решить проблему доказывания направленности умысла на совершение хищения денежных средств с использованием банковской карты.

Итак, в рамках третьей главы исследования были охарактеризованы квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки состава кражи. В результате были получены следующие выводы:

- 1) установлено, что квалификация кражи как совершенной при квалифицирующих признаках связана с целым рядом правоприменительных проблем – имеются трудности разграничения

кражи, совершенной с незаконным проникновением в помещение либо иное хранилище и кражи, совершенной с незаконным проникновением в жилище и с объективной оценкой стоимости похищенного имущества;

2) установлено, что ряд положений уголовного закона нуждаются в совершенствовании и разъяснении:

- вызывает сомнения обоснованность размера минимальной границы стоимости похищенного имущества для квалификации кражи по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ;
- необоснованным считаем отсутствие возможности привлечения к ответственности на основании данной нормы лица, причинившего значительный вред индивидуальному предпринимателю трудности;
- существует необходимость в разъяснении содержания категории «фактическая стоимость имущества»;
- вызывает сомнение соответствие содержания п. 23.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 целям установления квалифицированной уголовной ответственности за кражу, совершенную из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем;

3) обобщено, что установление некоторых особо квалифицирующих признаков состава кражи сопряжено с некоторыми трудностями и законодательными несовершенствами.

- В частности, подвергается критике несогласованность законодателя при использовании терминов «жилое помещение», «жилой дом», «часть жилого дома» в уголовном, гражданском и жилищном законодательстве.
- Исследователями ставится под сомнение обоснованность содержания п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 о дополнительной квалификации действий

лица, совершившего кражу, связанных с уничтожением или повреждением имущества потерпевшего, не являвшееся предметом хищения, – правоприменителю следует оценить его на предмет соответствия принципу *Non bis in idem*.

- Высшей судебной инстанции необходимо четко разграничить кражу, совершенную с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств и мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ).
- Обоснованным представляется реализация предложения о криминализации хищения банковских карт, что позволит решить проблему доказывания направленности умысла на совершение хищения денежных средств с использованием банковской карты.

Глава 4 Проблемы отграничения состава кражи от смежных составов преступлений

4.1 Отграничение состава кражи от составов грабежа и разбоя

Отграничивая состав кражи от состава грабежа, следует обратить внимание, что указанные составы сходны между собой по целому ряду объективных признаков, таких как объект, предмет, деяние, заключающееся в обоих рассматриваемых случаях в изъятии и обращении чужого имущества, а также момент окончания преступления (момент, когда виновное лицо получило возможность распорядиться похищенным имуществом) [21, с. 162].

В основе отграничения составов кражи и грабежа (ст. 161 УК РФ) лежит способ совершения преступления – при краже он тайный, при грабеже – открытый. Основная разница между тайным и открытым похищением в том, что при открытом виновный прилагает значительные волевые усилия, чтобы преодолеть психические препятствия, осознавая, что его действия понимают присутствующие лица. При этом давая квалификацию действий виновного следует учитывать критерии тайного способа хищения (объективные и субъективные), которые были проанализированы выше.

В правоприменительной практике имеют примеры ошибочного применения указанных положений. Так, например, Приговором Кировского районного суда г. Омска от 15 июля 2020 г. по делу № 1-297/2020 действия ФИО2 были переqualифицированы с п. «в» ч. 2 ст. 161 УК РФ на п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ на основании того, что ФИО8-М наблюдала действиями виновного пока он осуществлял хищение имущества из ее гаража, однако виновный, исходя из окружающей обстановки, полагал, что действует тайно, содеянное также является тайным хищением чужого имущества [73].

Определенные трудности могут возникать при квалификации так называемого смешанного способа хищения – он имеет место тогда, когда начиналось тайно, но под воздействием определенных обстоятельств

переросло в открытое хищение. В соответствии с п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 в таком случае действия виновного следует квалифицировать как грабеж. В то же время в научной литературе обращают внимание, что такая квалификация справедлива только в случае, если к моменту обнаружения действий виновного «не настал момент окончания кражи, ведь лишь при неоконченной краже возможно перерастание ее в грабеж» [94, с. 114]. Из анализа судебной практики следует, что в настоящее время значительное распространение получили кражи из супермаркетов и магазинов. Противоправные действия виновного обнаруживаются сотрудниками магазина посредством установленных видеокамер. В связи с этим нередко складываются ситуации, при которых сотрудники магазина делают попытки остановить лицо, совершившее хищение имущества при выходе из магазина [10, 11, 12] или даже после этого [11]. В случае, если виновный продолжает удерживать похищенное имущество, совершает попытки скрыться, то его действия квалифицируются как грабеж. При этом незаконное завладение имуществом в данном случае не образует окончательный состав кражи, поскольку лицо еще не получает возможности распорядиться имуществом. С целью избежать противоречий в судебной практике на этот счет исследователи предлагают «дополнить п. 5 Постановления следующим положением. «Как грабеж следует квалифицировать действия виновного, ставшие очевидными для окружающих после завладения предметом хищения в случае отсутствия возможности фактического распоряжения этим предметом, если действия виновного были направлены на завершение хищения и носили открытый характер»» [63].

Однако позиция иногда подвергается критике, при этом приводится сравнение с положениями советского уголовного права – в Постановлении Пленума ВС РСФСР от 22.03.1966 № 31 «О судебной практике по делам о грабеже и разбое» речь шла о том, что кража превращается в грабеж, если намерение виновного обнаруживаются непосредственно после изъятия имущества. Применительно к случаям хищения из магазинов оно означает, что

виновное лицо должно быть поймано с поличным, около стеллажа (полки), на которой находилась похищенная вещь, и продолжить совершение преступления. Действия лица, совершенные уже после совершения хищения, значения для квалификации не имеют.

Полагаем, что российскому законодателю и правоприменителю следует воспринять одну из обозначенных позиций.

Грабеж, совершенный с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия (п. «г»). ч. 2 ст. 161 УК РФ) отграничивается от кражи применением насилия или угрозой его применения – кража полностью исключает таковое.

Отграничение состава кражи от разбоя осуществляется по нескольким критериям. Во-первых, кража исключает насилие над личностью, в то время как при совершении разбоя преступник намеренно желает применить насилие, опасное для жизни и здоровья потерпевшего – такое насилие рассматривается в качестве способа завладения имуществом [22, с. 287]. Из этого следует и второй критерий разграничения составов кражи и разбоя – они различаются по объекту посягательства – «объект кражи отношения собственности, а объект разбоя предполагает нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия» [51, с. 46]. Кроме того, как и в случае с грабежом, при разбое хищение имущества носит открытый характер.

Таким образом, в результате проведенного анализа обоснована необходимость решения проблемы квалификации действий виновного лица в случае, когда хищение начиналось тайно, но под воздействием определенных обстоятельств переросло в открытое хищение. Предложено реализовать один из двух подходов – либо (1) дополнить п. 5 Постановления следующим положением. «Как грабеж следует квалифицировать действия виновного, ставшие очевидными для окружающих после завладения предметом хищения в случае отсутствия возможности фактического распоряжения этим предметом, если действия виновного были направлены на завершение

хищения и носили открытый характер», либо закрепить позицию, что (2) действия лица, совершенные после совершения хищения, значения для квалификации не имеют.

4.2 Отграничение состава кражи от составов мошенничества и присвоения или растраты чужого имущества

В основу разграничения составов кражи и мошенничества положена главная особенность последнего – потерпевший от мошенничества, сам отдает имущество виновному, будучи введенным им в заблуждение. При этом преступник использует обман или злоупотребляет доверием потерпевшего. Согласно п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (далее – Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48) «обман как способ совершения хищения или приобретения права на чужое имущество может состоять в сознательном сообщении (представлении) заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений, либо в умолчании об истинных фактах, либо в умышленных действиях, направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение» [59]. Следует иметь в виду, что обман, совершаемый виновным, должен быть направлен непосредственно на завладение имуществом, в ином случае – деяние следует квалифицировать как кражу. Наиболее ярко иллюстрирует обозначенный тезис ситуация при которой виновный использует похищенную банковскую карту для оплаты покупок через POS-терминал – в данном случае он совершает обман в отношении уполномоченного работника торговой организации путем умолчания о незаконном владении им банковской карты, однако таким способом он только облегчает доступ к завладению чужим имуществом и, следовательно, в его действиях отсутствует состав мошенничества [4].

Злоупотребление доверием при мошенничестве «заключается в использовании с корыстной целью доверительных отношений с владельцем имущества или иным лицом, уполномоченным принимать решения о передаче этого имущества третьим лицам».

Таким образом, следует согласиться с тем, что «при мошенничестве изъятие виновным имущества происходит внешне правомерно, собственник или иной владелец имущества сам, добровольно передает имущество виновному и, введенный им в заблуждение, уверен, что так и должен поступить» [85, с. 61].

Еще одним важным критерием разграничения составов кражи и мошенничества является то, что предметом кражи может быть только имущество, в то время как предметом мошенничества могут выступать и право на имущество [33, с. 292].

Основным критерием для отграничения кражи от присвоения и растраты (ст. 160 УК РФ), как следует из п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48, является субъект преступления. Состав, закрепленный в ст. 160 УК РФ предполагает наличие специального субъекта – лица, которое «обладает определенными полномочиями в отношении похищаемого имущества, находящегося в его правомерном владении или ведении, в силу своего должностного либо другого служебного положения, договора или иного специального поручения» [109, с. 150], а в случае с кражей виновный такими признаками не обладает. В судебной практике нередко встречаются ошибки квалификации, при которых кража рассматривается как присвоение и растрата – последний состав отсутствует, если вверение имущества не оформлено документально. Так, например, апелляционной инстанцией подтверждена правильность квалификации действия Ю., который по устной договоренности Юдин получил от главы КФХ «Лина» Е.О.Е. денежные средства в сумме 210 000 рублей, для приобретения яиц, которые впоследствии похитил, по ч. 1 ст. 158 УК РФ, на основании того, что передача Е.О.Е. денежных средств документально не была оформлена [15].

Таким образом, в результате проведенного анализа обобщено, что в основу разграничения составов кражи и мошенничества положена главная особенность последнего – потерпевший от мошенничества сам отдает имущество виновному, будучи введенным им в заблуждение; присвоение и растрата, в отличие от кражи характеризуется наличием специального субъекта, правовое положение которого должно быть подтверждено документально.

4.3 Отграничение составов кражи от иных смежных составов преступлений

Среди иных составов преступлений, которые необходимо разграничивать с кражей, прежде всего, следует указать на состав неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (ст. 166 УК РФ). У названных преступлений совпадают признаки объекта и предмета, кроме того способы совершения указанных преступлений могут быть идентичными. Однако, непосредственно из названия ст. 166 УК РФ следует, что угон отличается от кражи содержанием умысла – он не направлен на обращение чужого имущества в пользу виновного или третьих лиц, цель совершения соответствующих действий состоит в противоправном временном пользовании этим имуществом без согласия собственника или другого владельца. Такая позиция является доминирующей в правовой литературе. Так, например, А. Г. Безверхов указывает следующие критерии отграничения угона от хищения чужого имущества:

- «1) целью является временное пользование транспортным средством без согласия собственника либо иного владельца, то есть цель хищения отсутствует;
- 2) незаконное владение носит лишь временный характер, то есть у виновного отсутствует намерение присвоить данное транспортное средство» [16, с. 24].

В то же время некоторые исследователи отмечают, что данного критерия недостаточно для разграничения состава кражи и состава неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения, поскольку на практике является проблематичным определить, на что «фактически был направлен умысел виновного. В связи с этим для разграничения названных составов предлагается использовать еще и объективный критерий, который заключается в моменте окончания преступления. Момент окончания угона – момент начала движения транспортного средства, а кража транспортного средства является оконченной с момента обращения автомобиля в свою пользу, появления возможности им распоряжаться» [22, с. 289].

Также можно обратить внимание на следующую особенность – кража всегда совершается исключительно с корыстным мотивом, в то время как мотивами угона, кроме корысти могут выступать «месть, озорство, любознательность, желание добраться до определённого места, доставить груз, пренебрежение к общественным стандартам, угон с целью совершения другого более тяжкого преступления и т. д. В таких случаях преступник непременно после достижения поставленных целей оставляет транспортное средство в каком-либо месте, а сам скрывается» [94, с. 202].

Очевидно, что установление направленности умысла виновного весьма затруднительно, и лица, которые обвиняются в неоконченной краже, нередко использует это, требуя переквалификации хищения на угон. Также Конституционным Судом Российской Федерации были выявлены недостатки правового механизма реализации потерпевшим права на возмещение имущественного вреда, причиненного в связи с угоном автомобиля. Это стало основанием для распространения среди исследователей позиции о целесообразности исключения из уголовного закона состава преступления, предусмотренного ст. 166 УК РФ.

Существуют вопросы в рамках разграничения состава кражи от самоуправства (ст. 330 УК РФ). В соответствии с положением, которое

находится в п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда № 29, данные составы отличаются целью, т.е. по субъективному признаку. Преступление, регламентированное ст. 330 УК РФ, предполагает не корыстную цель, по сравнению с кражей, а временное использование с дальнейшим возвращением собственнику. Отличается и объект рассматриваемых преступлений - объектом самоуправства является предусмотренным правовыми нормами порядок управления. «Важной проблемой, с которой сталкиваются на практике судебно-следственные органы, это разграничение кражи и преступлений против природной среды. Очень часто, к примеру, самовольная добыча полезных ископаемых квалифицируется по ст. 158 УК РФ. Однако это в корне неверно. Предмет данного преступления – полезные ископаемые – в данном случае выступает не в качестве чужого имущества, а в качестве природного ресурса, добыча которого охраняется законом» [33, с. 292].

Таким образом, в результате проведенного анализа сделаны следующие выводы:

Во-первых, кража отграничивается от неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения целью – в последнем случае виновный не имеет целью присвоить себе чужое имущество, кроме корысти, лицо совершающее угон может руководствоваться мстостью, озорством, любознательностью, желанием добраться до определённого места. Отличаются названные составы моментом окончания угона – момент начала движения транспортного средства, а кража транспортного средства является оконченной с момента обращения автомобиля в свою пользу, появления возможности им распоряжаться. Также на основании субъективного признака разграничивается кража и самоуправство – последнее предполагает не корыстную цель, а временное использование с дальнейшим возвращением собственнику. Кража и преступления против природной среды разграничиваются на основании предмета преступления.

Во-вторых, поддержана позиция о необходимости исключения из уголовного закона состава преступления, предусмотренного ст. 166 УК РФ.

Это обусловлено особенной близостью кражи и указанного состава, что установление направленности умысла виновного весьма затруднительно, и позволяет лицам, которые обвиняются в неоконченной краже, злоупотреблять своими правами и требовать переквалификации хищения на угон.

Итак, в рамках четвертой главы исследования были определены критерии отграничения состава кражи от составов грабежа и разбоя, от составов мошенничества и присвоения или растраты чужого имущества и от иных смежных составов преступлений, и сделаны следующие выводы:

Во-первых, обоснована необходимость решения проблемы квалификации действий виновного лица в случае, когда хищение начиналось тайно, но под воздействием определенных обстоятельств переросло в открытое хищение. Предложено реализовать один из двух подходов – либо (1) дополнить п. 5 Постановления следующим положением. «Как грабеж следует квалифицировать действия виновного, ставшие очевидными для окружающих после завладения предметом хищения в случае отсутствия возможности фактического распоряжения этим предметом, если действия виновного были направлены на завершение хищения и носили открытый характер», либо закрепить позицию, что (2) действия лица, совершенные после совершения хищения, значения для квалификации не имеют.

Во-вторых, поддержана позиция о необходимости исключения из уголовного закона состава преступления, предусмотренного ст. 166 УК РФ. Это обусловлено особенной близостью составов кражи и неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения, что делает установление направленности умысла виновного весьма затруднительно, и позволяет лицам, которые обвиняются в неоконченной краже, злоупотреблять своими правами и требовать переквалификации совершенного ими хищения чужого имущества на неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (ст. 166 УК РФ).

Заключение

В результате проведенного анализа нормативных правовых актов, научных публикаций, учебной литературы, материалов судебной практики были обобщены исторические этапы развития законодательства, устанавливающего уголовную ответственность за кражу: (1) период до XVI века, когда институт уголовной ответственности за кражу находится на этапе своего становления. Кража дифференцируется в зависимости от вида предмета и ценности похищаемого имущества. К концу периода формируется представление о простой и квалифицированной краже. Основным видом наказания – штраф; (2) XVII век – 1917 год – в основу наказания за кражу положены принципы устрашения и возмездия; появляются понятия «вор», «воровство»; ответственность дифференцируется также в зависимости от повторения преступлений. В данный период формируется понятие о пособниках и соучастниках кражи. К концу периода формулируется понятие кражи, кража классифицируется на несколько видов по различным основаниям. За совершение кражи назначаются наиболее суровые наказания – вплоть до смертной казни. В целом уже на данном этапе можно говорить об окончательном формировании института кражи; (3) советский период, когда законодатель установил приоритет уголовно-правовой охраны государственной и общественной собственности, что привело к ужесточению мер наказания за данные преступления; (4) современный этап, постсоветский период (с момента принятия действующего УК РФ – до настоящего времени) на котором изменения в уголовный закон о краже обуславливаются изменяющимися общественными отношениями.

При анализе действующего законодательства зарубежных стран было предложено воспроизвести в российском уголовном законе следующий зарубежный опыт – (1) в нормативном определении кражи в ч. 1 ст. 158 УК РФ по примеру УК Испании закрепить указание на сумму похищенного имущества, которая позволяет отграничить кражу как преступления от

административного проступка; (2) признать энергию предметом кражи и в Российской Федерации, а с целью избежать противоречия с содержанием физического признака предмета кражи, при формулировании нормативного определения этого понятия, по примеру УК Франции энергию перечислить в одном ряду с имуществом. Было установлено, что в законодательстве ряда зарубежных государств особенное правовое регулирование предусмотрено в отношении краж, предметом которых является имущество супруга или близкого родственника – в США Франции такие деяния декриминализованы, в Швеции предусмотрен особый порядок инициирования соответствующих уголовных производств. Закрепление подобных норм в законодательстве Российской Федерации представляется необоснованным.

Криминологическая характеристика современной кражи в России позволила установить, что кражи являются наиболее распространенными преступлениями в структуре общей преступности в Российской Федерации, уровень их раскрываемости в некоторых регионах не превышает 17%. Отмечены изменения в структуре краж – снижается число квартирных и карманных краж; заметно увеличивается число краж, совершенных с банковского счета или в отношении электронных денежных средств, что обусловлено развитием информационных технологий и их активное внедрение в банковскую сферу. Профилактика наиболее распространенных видов краж представляется затруднительной и ограничивается преимущественно информационно-профилактической работой с населением и лицами, совершившими противоправные деяния; если не задержать преступника «по горячим следам», то доказать его вину в совершении карманной и квартирной кражи достаточно трудно. Также было установлено, что наиболее типичный криминологический портрет лица, осужденного за кражу, выглядит следующим образом – трудоспособный мужчина в возрасте 30-49 лет со средним общим или профессиональным образованием, без определенного рода занятий (нередко имеющий неснятую или непогашенную

судимость). Следует понимать, что приведенные выше усредненные представления о субъекте совершения кражи достаточно условны, поскольку отдельные виды краж имеют свои особенности, что находит отражение на характеристиках личности преступников, мотивах совершения кражи и т.д.

При проведении исследования были сформулированы следующие предложения: (1) в ч. 1 ст. 158 УК РФ закрепить следующее понятие «Кража, то есть противоправное безвозмездное насильственное изъятие и (или) обращение чужого имущества или электроэнергии во владение виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества»; (2) разграничивать кражу и мелкое хищение в зависимости от объективных показателей, которые отражают реальную покупательную способность – минимального размера оплаты труда или размера прожиточного минимума. И отразить соответствующий стоимостной критерий в диспозиции ч. 1 ст. 158 УК РФ; (3) Верховному Суду Российской Федерации разъяснить, что предметом кражи может выступать недвижимое имущество, передвижение которого в пространстве возможно осуществлять без особых потерь его потребительской стоимости и целевого назначения; (4) Верховному Суду Российской Федерации разъяснить нижестоящим судам, что если присутствующее при совершении кражи является близким родственником виновного, находится с ним в дружеских или иных взаимоотношениях личного характера, в связи с чем виновный рассчитывает на то, что в ходе изъятия имущества он не встретит противодействия со стороны указанного лица, содеянное следует квалифицировать как кражу чужого имущества.

При проведении исследования установлено, что квалификация кражи как совершенной при квалифицирующих признаках связана с целым рядом правоприменительных проблем – имеются трудности разграничения кражи, совершенной с незаконным проникновением в помещение либо иное хранилище и кражи, совершенной с незаконным проникновением в жилище и с объективной оценкой стоимости похищенного имущества.

Обобщено, что установление некоторых особо квалифицирующих признаков состава кражи сопряжено с некоторыми трудностями и законодательными несовершенствами. В частности, подвергается критике несогласованность законодателя при использовании терминов «жилое помещение», «жилой дом», «часть жилого дома» в уголовном, гражданском и жилищном законодательстве. Исследователями ставится под сомнение обоснованность содержания п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 о дополнительной квалификации действий лица, совершившего кражу, связанных с уничтожением или повреждением имущества потерпевшего, не являвшееся предметом хищения, - правоприменителю следует оценить его на предмет соответствия принципу *Non bis in idem* («Не дважды за одно и то же»). Высшей судебной инстанции необходимо четко разграничить кражу, совершенную с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств и мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ). Обоснованным представляется реализация предложения о криминализации хищения банковских карт, что позволит решить проблему доказывания направленности умысла на совершение хищения денежных средств с использованием банковской карты.

Обосновано, что ряд положений уголовного закона нуждаются в совершенствовании и разъяснении – вызывает сомнения обоснованность размера минимальной границы стоимости похищенного имущества для квалификации кражи по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ; необоснованным считаем отсутствие возможности привлечения к ответственности на основании данной нормы лица, причинившего значительный вред индивидуальному предпринимателю; существует необходимость в разъяснении содержания категории «фактическая стоимость имущества»; вызывает сомнение обоснованность содержания п. 23.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29. Очевидно, что кража, совершенная из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при спящем потерпевшем, или

потерпевшем, находящегося в состоянии алкогольного опьянения, является менее общественно опасной, чем «профессиональная» кража и должна быть исключена из числа квалифицированных составов краж. Также обоснована необходимость решения проблемы квалификации действий виновного лица в случае, когда хищение начиналось тайно, но под воздействием определенных обстоятельств переросло в открытое хищение. Предложено реализовать один из двух подходов – либо (1) дополнить п. 5 Постановления следующим положением. «Как грабеж следует квалифицировать действия виновного, ставшие очевидными для окружающих после завладения предметом хищения в случае отсутствия возможности фактического распоряжения этим предметом, если действия виновного были направлены на завершение хищения и носили открытый характер», либо закрепить позицию, что (2) действия лица, совершенные после совершения хищения, значения для квалификации не имеют.

Поддержана позиция о необходимости исключения из уголовного закона состава преступления, предусмотренного ст. 166 УК РФ. Это обусловлено особенной близостью составов кражи и неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения, что делает установление направленности умысла виновного весьма затруднительно, и позволяет лицам, которые обвиняются в неоконченной краже, злоупотреблять своими правами и требовать переквалификации совершенного ими хищения чужого имущества на неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (ст. 166 УК РФ).

Список используемой литературы и используемых источников

1. Авдеев В.А. Преступления в сфере экономики: теоретико-практический курс: учебное пособие. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2015. 176 с.
2. Аликулов А.М. Криминологическая характеристика преступлений против собственности // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. 2016. № 3 (48). С. 39-43.
3. Апелляционное постановление № 22-3334/2020 от 4 июня 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: [//sudact.ru/regular/doc/ПаНрZmsaxEQ4/](https://sudact.ru/regular/doc/ПаНрZmsaxEQ4/) (дата обращения: 19.10.2020).
4. Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Хакасия от 7 февраля 2020 г. по делу № 1-1276/2019 [Электронный ресурс]. URL: [//sudact.ru/regular/doc/URFR2h76sCIS/](https://sudact.ru/regular/doc/URFR2h76sCIS/) (дата обращения: 20.01.2021).
5. Апелляционное постановление Владимирского областного суда от 11 октября 2016 г. по делу № 22-2339/2016 [Электронный ресурс]. URL: [//sudact.ru/regular/doc/MyjNOF4Ulvrx/](https://sudact.ru/regular/doc/MyjNOF4Ulvrx/) (дата обращения: 29.01.2021).
6. Апелляционное постановление Красноярского краевого суда № 22-2132/2020 от 13 августа 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: [//sudact.ru/regular/doc/hp1d5xFYqhlH/](https://sudact.ru/regular/doc/hp1d5xFYqhlH/) (дата обращения: 17.02.2021).
7. Апелляционное постановление Красноярского краевого суда от 12 сентября 2019 г. по делу № 22-5816/2019 [Электронный ресурс]. URL: [//sudact.ru/regular/doc/A0S5PXyMр6Ug/](https://sudact.ru/regular/doc/A0S5PXyMр6Ug/) (дата обращения: 17.02.2021).
8. Апелляционное постановление Магаданского областного суда от 2 ноября 2016 г. по делу № 22-548/2016 [Электронный ресурс]. URL: [//sudact.ru/regular/doc/Kdk4EcedDQnt/](https://sudact.ru/regular/doc/Kdk4EcedDQnt/) (дата обращения: 20.02.2021).
9. Апелляционное постановление Московского областного суда от 21 мая 2020 г. по делу № 22-2273/2020 [Электронный ресурс]. URL: [//sudact.ru/regular/doc/WDsqrPTcAfmб/](https://sudact.ru/regular/doc/WDsqrPTcAfmб/) (дата обращения: 30.01.2021).

10. Апелляционное постановление Ростовского областного суда от 18 ноября 2019 г. по делу № 22-6668/2019 [Электронный ресурс]. URL: [//sudact.ru/regular/doc/gk4rETs9ssU1/](https://sudact.ru/regular/doc/gk4rETs9ssU1/) (дата обращения: 19.01.2021).

11. Апелляционное постановление Свердловского областного суда от 14 января 2020 г. по делу № 1-299/2019 [Электронный ресурс]. URL: [//sudact.ru/regular/doc/cCtAXfxELErT/](https://sudact.ru/regular/doc/cCtAXfxELErT/) (дата обращения: 19.01.2021).

12. Апелляционное постановление Свердловского областного суда от 18 июня 2020 г. № 22-3864/2020 [Электронный ресурс]. URL: [//sudact.ru/regular/doc/bpywFTO5imj/](https://sudact.ru/regular/doc/bpywFTO5imj/) (дата обращения: 19.01.2021).

13. Апелляционное постановление Тверского областного суда от 8 июня 2017 г. по делу № 22-1003/2017 [Электронный ресурс]. URL: [//sudact.ru/regular/doc/enZ5sTP3urb0/](https://sudact.ru/regular/doc/enZ5sTP3urb0/) (дата обращения: 20.02.2021).

14. Апелляционное постановление Хабаровского краевого суда от 29 августа 2019 г. по делу №22-2880/2019 [Электронный ресурс]. URL: [//sudact.ru/regular/doc/OEsTA6COXKU4/](https://sudact.ru/regular/doc/OEsTA6COXKU4/) (дата обращения: 29.01.2021).

15. Апелляционное постановление Чишминского районного суда от 10 мая 2018 г. по делу № 10-4/2018 [Электронный ресурс]. URL: [//sudact.ru/regular/doc/YfLOtfUVE2b1/](https://sudact.ru/regular/doc/YfLOtfUVE2b1/) (дата обращения: 22.01.2021).

16. Безверхов А.Г. О некоторых вопросах квалификации неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения // Уголовное право. 2017. №5. С. 20–30.

17. Безрукова С.А. Проблемные вопросы практики применения п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ // Эволюция российского права. Материалы XVII Международной научной конференции молодых ученых и студентов. Уральский государственный юридический университет. 2019. С. 399-402.

18. Бокова И.Н. К вопросу определения предмета кражи в уголовном праве России // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2005. № 1. С. 64-69.

19. Бородина И.П. Проблемы уголовной ответственности за кражу // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2016. Т. 1. № 2. С. 78-81.

20. Буз С. И. Особенности становления и развития института кражи: история вопроса (911-1903 гг.) // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. 2014. № 3-4 (63-64). С. 83-92.

21. Волошин Д.В. Отграничение грабежа от смежных составов преступлений // Современные технологии: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей XV Международной научно-практической конференции: в 2 ч. 2018. С. 161-163.

22. Вячеслав Ш. Некоторые вопросы отграничения кражи от смежных составов преступления // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра. Материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции. Под редакцией А.Г. Хлебушкина, Т.Н. Тиминой. 2018. С. 286-290.

23. Галаганов А. А. Уголовно-правовая характеристика способов совершения хищений: автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.08. Омск, 2011. 25 с.

24. Гладких В.И., Казаков В.В., Шумов Р.Н. Противодействие преступлениям, совершаемым в жилищно-коммунальной сфере: монография. М. : Международный юридический институт. 2011. 188 с.

25. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ // Собрании законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

26. Данные судебной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (дата обращения: 10.12.2020).

27. Денисов С.А., Готчина Л.В., Никуленко А.В. Уголовное право. Общая часть. Учебник. СПб. : СПбУ МВД России, 2017. 336 с.

28. Дуюнов В.К., Хлебушкин А.Г. Квалификация преступлений: законодательство, теория, судебная практика: Монография. М. : РИОР: ИНФРА-М, 2015. 384 с.

29. Ермакова О.В. Значительный ущерб гражданину как преступное последствие кражи: проблемы правоприменительной практики // Уголовная юстиция. 2019. № 14. С. 11-14.

30. Звонарев В.Д. Значительный ущерб как признак кражи // Аллея науки. 2020. Т. 1. № 6 (45). С. 589-592.

31. Иксанов Р.А., Бакирова Р.Р. Кражи как разновидность экономических преступлений // Аллея науки. 2018. Т. 2. № 4 (20). С. 355-358.

32. Карпова Н.А. Уголовная ответственность за кражу, совершенную из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М. : Московский университет МВД России, 2006. С. 126–127.

33. Карягина А.В., Молчанова К.В. Проблемы отграничения кражи от смежных составов // Научные исследования XXI века. 2020. № 6 (8). С. 291-294.

34. Киселева Е.Д. Некоторые проблемные вопросы квалификации хищения чужого имущества из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2018. Т. 9. № 1 (33). С. 208-213.

35. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 29.05.2019) // Собрание законодательства РФ. 2002. №1 (ч. 1). Ст. 1.

36. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А. И. Рарог. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Велби: Проспект, 2007. 1032 с.

37. Комментарий к Уголовному кодексу РФ / отв. ред. В.М. Лебедев. М. : Юрайт, 2014. 716 с.

38. Корнеева А.В. Теоретические основы квалификации преступлений: Учебное пособие / Отв. ред. А.И. Рарог. 2-е изд. М. : Проспект, 2013. 159 с.

39. Королева А.Л. Кража с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище // Законность и правопорядок. 2020. № 1 (25). С. 31-33.

40. Кравцов Р.В., Кузнецов В.И. К вопросу о признаках состава кражи чужого имущества // Сибирский юридический вестник. 2015. № 4 (71). С. 82-89.

41. Кузнецов Д.Ю. Вопросы разграничения «квартирной» кражи и кражи, совершенной с незаконным проникновением в помещение // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2020. № 1 (82). С. 27-32.

42. Кузнецова Н. И. Объект преступления: некоторые размышления о понятии, значении, видах и отличии от предмета преступления// Юридическая наука: история и современность. 2018. № 8. С. 133-149.

43. Курочкина Т. В. Криминологическая характеристика краж, совершаемых несовершеннолетними, и их предупреждение ОВД // В сборнике: Преступность в СНГ: проблемы предупреждения и раскрытия преступлений. сборник материалов. 2018. С. 147-150.

44. Курс уголовного права. Особенная часть. Том 5. Учебник для вузов. Под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М. : Зерцало, 2002. 512 с.

45. Лавыгина И.В., Целищев Н.В. Основные аспекты уголовной ответственности за кражу в зарубежных странах // Молодой ученый. 2018. № 25 (211). С. 216-218.

46. Логвиненко В.В., Лоскутов И.Д. Особенности криминологической характеристики угонов и краж автотранспортных средств // Наука и современное общество: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей Международной научно-практической конференции: в 2 ч. 2020. С. 100-112.

47. Малешина А. В. Система имущественных преступлений по уголовному праву США // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2017. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-imuschestvennyh-prestupleniy-po-ugolovnomu-pravu-ssha> (дата обращения: 22.10.2020).

48. Маркова Е.А. Безналичные и электронные денежные средства как предмет кражи // Уголовная политика и правоприменительная практика: сборник материалов VIII-й Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2020. С. 460-466.

49. Матвеев И.В. Проблемы отграничения кражи от мелкого хищения // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики. Новокузнецк : Издательство Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказаний, 2019. С. 199-201.

50. Миронов А.В. Уголовная ответственность в исторической ретроспективе // Вестник магистратуры. 2015. № 1-3 (40). С. 71-74.

51. Мурзагареева Е.В. Проблемы квалификации кражи и ее отграничение от смежных составов // Перспективы развития науки и образования: Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. В 3-х частях. 2017. С. 44-48.

52. Нафиков М.М. Проблемы квалификации кражи: вопросы теории и практики // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 1. С. 160-163.

53. Никифоров Б.С. Объект преступления. М. : Госюриздат, 1960. 232 с.

54. О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года: Постановление ВЦИК от 22.11.1926 // СУ РСФСР. 1926. №80. Ст. 600.

55. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 50. Ст. 7362.

56. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: Федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 27 (часть II). Ст. 4256.

57. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 23.04.2018 № 111-ФЗ // Российская газета. 25 апреля 2018. № 88.

58. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: Постановление Пленума от 27.12.2002 года № 29 // Российская газета. 18 января 2003. №9.

59. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2017/12/11/sud-moshennichestv-dok.html> (дата обращения: 20.01.2021).

60. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 // Российская газета. 2011. № 29.

61. Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества: Указ Президиума ВС СССР от 04.06.1947 года [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Указ_Президиума_ВС_СССР_от_4.06.1947_об_уголовной_ответственности_за_хищение_государственного_и_общественного_имущества (дата обращения: 10.10.2020).

62. Об усилении охраны личной собственности граждан: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 04.06.1947 года [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Указ_Президиума_ВС_СССР_от_4.06.1947_об_усилении_охраны_личной_собственности_граждан (дата обращения: 10.10.2020).

63. Окулов С.Б. Проблемы отграничения кражи от грабежа и направления их решения // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. №7-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy->

otgranicheniya-krazhi-ot-grabezha-i-napravleniya-ih-resheniya (дата обращения: 28.02.2021).

64. Перепелкин В.И., Кузьмин Ю.А. Квартирные кражи: криминалистический и криминологический аспекты // *Oeconomia et Jus*. 2016. № 4. С. 63-69.

65. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. СПб. : Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. V. 1713-1719, № 3006. С. 203-453.

66. Постановление Угловского районного суда от 15 марта 2016 г. по делу № 1-16/2016 [Электронный ресурс]. URL: [//sudact.ru/regular/doc/KqF8eh6bdzd4/](http://sudact.ru/regular/doc/KqF8eh6bdzd4/) (дата обращения: 29.01.2021).

67. Приговор Абдулинского районного суда Оренбургской области от 7 июля 2020 г. по делу № 1(2)-13/2020 [Электронный ресурс]. URL: [//sudact.ru/regular/doc/Dnyos1fEzRo0/](http://sudact.ru/regular/doc/Dnyos1fEzRo0/) (дата обращения: 01.02.2021).

68. Приговор Алапаевского городского суда Свердловской области от 29 июля 2016 г. по делу № 1-132/2016 [Электронный ресурс]. URL: [//sudact.ru/regular/doc/hiehfGV4h5Qp/](http://sudact.ru/regular/doc/hiehfGV4h5Qp/) (дата обращения: 17.02.2021).

69. Приговор Александровского городского суда Владимирской области от 4 февраля 2020 г. по делу № 1-10/2020 // Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. URL: [//sudact.ru/regular/doc/teEaHtyA4OHT/](http://sudact.ru/regular/doc/teEaHtyA4OHT/) (дата обращения: 19.01.2021).

70. Приговор Железнодорожного городского суда г. Читы от 22 апреля 2019 г. по делу № 1-110/2019 [Электронный ресурс]. URL: [//sudact.ru/regular/doc/1LnG9jCAE4QK/](http://sudact.ru/regular/doc/1LnG9jCAE4QK/) (дата обращения: 10.02.2020).

71. Приговор Железнодорожного районного суда г. Читы от 12 сентября 2017 г. по делу № 1-288/2017 2019 // Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. URL: [//sudact.ru/regular/doc/lehUyMOTBI18/](http://sudact.ru/regular/doc/lehUyMOTBI18/) (дата обращения: 21.10.2020).

72. Приговор Кировского районного суда г. Новосибирска от 30 июля 2020 г. по делу № 1-286/2020 [Электронный ресурс]. URL: [//sudact.ru/regular/doc/AOv8QKfk7oxJ/](https://sudact.ru/regular/doc/AOv8QKfk7oxJ/) (дата обращения: 17.02.2021).

73. Приговор Кировского районного суда г. Омска от 15 июля 2020 г. по делу № 1-297/2020 [Электронный ресурс]. URL: [//sudact.ru/regular/doc/U5UBaO5WBPmX//](https://sudact.ru/regular/doc/U5UBaO5WBPmX//) (дата обращения: 19.01.2021).

74. Приговор Курчатовского районного суда г. Челябинска от 9 сентября 2019 г. по делу № 1-475/2019 // Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. URL: [//sudact.ru/regular/doc/vTBXj3Vak6V4/](https://sudact.ru/regular/doc/vTBXj3Vak6V4/) (дата обращения: 19.01.2021).

75. Приговор Миринский городской суд от 19 апреля 2019 г. по делу № 1-31/2019 [Электронный ресурс]. URL: [//sudact.ru/regular/doc/KZSHKA4vw0QP/](https://sudact.ru/regular/doc/KZSHKA4vw0QP/) (дата обращения: 10.02.2020).

76. Приговор Нововятского районного суда г. Кирова от 24 апреля 2019 г. по делу № 1-71/2019 [Электронный ресурс]. – URL: [//sudact.ru/regular/doc/EJ22KVfMsqYa/](https://sudact.ru/regular/doc/EJ22KVfMsqYa/) (дата обращения: 10.02.2020).

77. Приговор Новочеркасского городского суда от 29 ноября 2018 г. по делу № 1-690/2018 [Электронный ресурс]. URL: [//sudact.ru/regular/doc/kDpgzOvFm8oR/](https://sudact.ru/regular/doc/kDpgzOvFm8oR/) (дата обращения: 29.01.2021).

78. Приговор Октябрьского районного суда г. Владимира от 18 апреля 2019 г. по делу № 1-90/2019 [Электронный ресурс]. URL: [//sudact.ru/regular/doc/P4jOHcSFfklw/](https://sudact.ru/regular/doc/P4jOHcSFfklw/) (дата обращения: 10.02.2020).

79. Приговор Первомайского районного суда г. Мурманска от 6 февраля 2020 г. по делу № 1-19/2020 [Электронный ресурс]. URL: [//sudact.ru/regular/doc/mQfbpbO5dmVR//](https://sudact.ru/regular/doc/mQfbpbO5dmVR//) (дата обращения: 17.02.2021).

80. Приговор Промышленного районного суда г. Самары № 1-513/2019 от 22 ноября 2019 г. по делу № 1-513/2019 // Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. URL: [//sudact.ru/regular/doc/O2Vuu94kGsgz/](https://sudact.ru/regular/doc/O2Vuu94kGsgz/) (дата обращения: 21.10.2020).

81. Приговор Рудничного районного суда г. Прокопьевска Кемеровской области от 30 июля 2020 г. по делу № 1-354/2020 [Электронный ресурс]. URL: [//sudact.ru/regular/doc/HBE0OWJaj71v/](https://sudact.ru/regular/doc/HBE0OWJaj71v/) (дата обращения: 25.02.2021).

82. Приговор Центрального районного суда г. Омска от 22 апреля 2019 г. по делу № 1-187/2019 [Электронный ресурс]. URL: [//sudact.ru/regular/doc/3ibaC4HtwB5O/](https://sudact.ru/regular/doc/3ibaC4HtwB5O/) (дата обращения: 17.02.2021).

83. Приговор Кировского районного суда г. Омска от 16 июля 2020 г. по делу № 1-306/2020 [Электронный ресурс]. URL: [//sudact.ru/regular/doc/zjZ1KTXpv9QQ/](https://sudact.ru/regular/doc/zjZ1KTXpv9QQ/) (дата обращения: 17.02.2021).

84. Прокументов Л. М. Групповое преступление: вопросы теории и практики. Томск: Издательство Томского университета, 2010. 164 с.

85. Сабивчак В.В. Отграничение мошенничества от кражи и грабежа // Право. Общество. Государство: сборник научных трудов студентов и аспирантов. Отв. ред. Е.В. Трофимов. Санкт-Петербург, 2020. С. 59-62.

86. Савенко И.А. Проблемы судебной практики по делам о кражах из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2015. № 3 (29). С. 34-35.

87. Свердловские полицейские задержали альфонса, пытавшегося за 500 рублей продать орден Красной Звезды // Главное управление МВД России по свердловской области [Электронный ресурс]. URL: <https://66.мвд.рф/news/item/20323321> (дата обращения: 24.02.2021).

88. Севостьянов Р.А. Криминологическая характеристика краж, мотивированных голодом // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 5-1. С. 5-11.

89. Семейный вор // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2018/10/14/v-rossii-vyroslo-chislo-osuzhdennyh-za-krazhi-urodstvennikov.html> (дата обращения: 25.02.2021).

90. Семенов В.М. О понятии предмета хищения [Электронный ресурс]. URL: www.library.ru/help/docs/hishen2 (дата обращения: 11.12.2020).

91. Семенов В. Р. Особенности объективной стороны кражи // Наука и практика. 2016. № 4 (69). С. 82-84.

92. Соборное уложение 1649 года: Текст, комментарии / Ред. коллегия: В.И. Буганов, М.П. Ирошников, А. Г. Маньков (рук. авт. колл.), В.М. Панях. Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1987. 448 с.

93. Стома В.С., Иванов А.В., Жуль Д.А. Уголовно-правовая характеристика кражи // Современные закономерности и тенденции развития наук криминального цикла: материалы международной научной конференции. Отв. за выпуск В.Л. Бопп, Е.А. Ерахтина. 2020. С. 152-154.

94. Трифонов В.Г. Разбой (авторский взгляд на некоторые проблемы квалификации)// Сборник научных статей «Уголовному кодексу РФ 15 лет: достижения, проблемы, тенденции» / под ред. В.И. Тюнина. СПб., 2012. С. 114.

95. Трифонов М.А. Неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения и хищение транспортного средства: вопросы разграничения. // Источник: современные технологии: актуальные вопросы, достижения инновации. 2018. С. 202-205.

96. Туманов А.С. Кражи, совершенные их трубопроводов: некоторые вопросы уголовного права и оперативно-розыскной деятельности // Академическая мысль. 2020. № 1 (10). С. 51-53.

97. Уголовное право зарубежных стран: учебное пособие / Л.С. Аистова, Д.Ю. Краев. 2-е изд. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2020. 131 с.

98. Уголовное право зарубежных стран. Общая и Особенная части: учебник. М.: Wolters Kluwer Russia, 2010. 1034 с.

99. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник / Под. ред. А.И. Рарога. М. : Инфра-М, 2008. 560 с.

100. Уголовное уложение 1903 г. [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ugolovnoe_ulozenie_1903_goda.pdf (дата обращения: 15.10.2020).

101. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52. Ст. 4921.

102. Уголовный кодекс Российской Федерации: Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. №25. Ст. 2954.

103. Уголовный кодекс РСФСР от 01.06.1922 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/ (дата обращения: 12.10.2020).

104. Уголовный кодекс Франции от 01.01.1992 (с изменениями и дополнениями на 1 июля 2000 года) // Юридическая Россия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1243018> (дата обращения: 13.10.2020).

105. Уголовный кодекс Швеции / Научные редакторы проф. Н.Ф. Кузнецова и канд. юрид. наук С.С. Беляев. Перевод на русский язык С.С. Беляева. СПб. : Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. 320 с.

106. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [Электронный ресурс]. URL: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ulogenie_o_nakazaniyah_ugolovnih_i_ispravitelnih_1845_goda.pdf (дата обращения: 15.10.2020).

107. Устюгов С.Н., Морозов Н.А. История развития российского уголовного законодательства об ответственности за кражу // *Colloquium-journal*. 2019. №18-7 (42). С. 66-69.

108. Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. СПб., 1901. 446 с.

109. Халилова Д.З. Некоторые проблемы отграничения кражи от смежных составов преступлений // *Право. Общество. Государство: сборник научных трудов студентов и аспирантов*. отв. ред. Е.В. Трофимов. Санкт-Петербург, 2019. С. 148-151.

110. Чернышев Д. Б. Кража из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода, сопряженная с их повреждением – проблемы совокупного вменения // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10. № 2. С. 234-238.

111. Чернякова А. В. Вопросы криминализации хищений с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. № 2 (39). С. 115-120.

112. Чеченин А. Конституция и электричество [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2020/2/21/konstituciya_i_elektrichestvo (дата обращения: 11.12.2020).

113. Шесть лет – за кражу электроэнергии. Жесткая мера или необходимость [Электронный ресурс]. URL: https://www.m24.ru/articles/Gosduma/03042017/135565?utm_source=CopyBuf (дата обращения: 11.12.2020).

114. Шленчак Д.А. Кража с причинением значительного ущерба гражданину // Право, общество, государство: история, современные тенденции и перспективы развития. сборник научных трудов по материалам Международной заочной студенческой научно-практической конференции. 2017. С. 577-579.

115. Шнайдер А.В. О некоторых вопросах кражи, совершенной с причинением значительного ущерба гражданину // Вестник молодого ученого Кузбасского института. сборник научных статей. Новокузнецк, 2017. С. 140-142.

116. Шурухнов Н.Г. Расследование краж: Практическое пособие. М., 1999. 112 с.

117. General Law of Massachusetts. Part IV: Crimes, punishments and proceedings in criminal cases [Электронный ресурс]. URL: <https://malegislature.gov/Laws/GeneralLaws/PartIV> (дата обращения: 20.10.2020).

118. Ley Orgánica 10/1995, de 23 de noviembre, del Código Penal [Электронный ресурс]. URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1995-25444> (дата обращения: 20.10.2020).

119. The Penal Code of California. Part 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://leginfo.ca.gov/faces/codesTOCSelected.xhtml?tocCode=PEN> (дата обращения: 20.10.2020).

120. The Penal Law of New York. Title I [Электронный ресурс]. URL: http://ypdcrime.com/penal.law/penal_law_title_i.htm (дата обращения: 20.10.2020).

121. Theft Act 1968 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1968/60/crossheading/definition-of-theft> (дата обращения: 20.10.2020).